

Ходова Капитолина Ивановна

Языковое родство славянских народов

Капитолина Ивановна Ходова

Капитолина Ивановна Ходова
Языковое родство славянских народов
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ)

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ

албан. - албанский каш. - кашубский
англ. - английский латин. - латинский
англосакс. - англосаксонский латыш. - латышский
армян. - армянский лит. - литовский
белорус. - белорусский нем. - немецкий
болг. - болгарский нижнелуж. - нижнелужицкий
верхнелуж. - верхнелужицкий новоперс. - новоперсидский
гот. - готский пол. - польский
греч. - греческий сербохорв. - сербохорватский
дат. - датский словац. - словацкий
древневерхненем. - древневерхненемецкий словен.- словенский
древнеирл. - древнеирландский старослав. - старославянский
древнепрус. - древнепруссский укр. - украинский
древнерус. - древнерусский рус. -русский
чеш. - чешский.

Славянские народы, населяющие обширные пространства Восточной и Средней Европы, Балканского полуострова, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока говорят на языках, имеющих ярко выраженные черты сходства в области звукового состава, грамматического строя и словаря. Сходство славянских языков есть важнейшее проявление их взаимного родства.

Славянские языки относятся к семье индоевропейских языков. К этой же семье, кроме славянских, принадлежат также индийские (древнеиндийские: ведийский и санскрит, среднеиндийские: пали, пракрит, новоиндийские: хинди, урду, бенгали и др.), иранские (древнеперсидский, авестийский, среднеперсидский, новоперсидский, а также афганский, таджикский, осетинский и др.), германские (древние: готский, верхненемецкий, нижненемецкий, англосаксонский; современные: немецкий, голландский, английский, датский, шведский, норвежский и др.), романские (мертвый латинский и живые: французский, итальянский, испанский, румынский, португальский и др.), кельтские языки, представленные ирландским, кимрским и бретонским, греческий язык (с древнегреческим и среднегреческим), армянский язык, албанский язык, балтийские языки и некоторые другие.

Из языков индоевропейской семьи к славянским ближе всего балтийские: современные литовский и латышский и вымерший древнепруссский.

Индоевропейская семья языков сложилась путем развития языковых групп и отдельных языков, уходящих своими корнями в общеиндоевропейский язык-основу (общеиндоевропейский праязык). Выделение славянской языковой группы из общеиндоевропейского языка-основы произошло задолго до нашей эры.

Внутри славянской языковой группы выделяют несколько групп языков. Наиболее принятым является деление славянских языков на 3 группы: восточнославянскую, южнославянскую и западнославянскую. К восточнославянской группе относятся русский, украинский и белорусский языки; к южнославянской болгарский, македонский, сербохорватский и словенский; к западнославянской чешский, словацкий, верхнелужицкий,

нижнелужицкий, польский и кашубский. К западнославянской группе относился также исчезнувший полабский язык, носители которого, полабские славяне, занимали территорию между реками Эльбой (по-славянски - Лаба), Одером и Балтийским морем.

К южнославянской языковой группе относится старославянский литературный язык, дошедший в памятниках письменности, начиная с конца X в. Он запечатлел в себе древний македонско-болгарский диалект и черты некоторых славянских языков, находившихся в IX в. на ранних стадиях своей самостоятельной истории.

Деление славянских языков на три группы основано на различиях некоторых звуковых процессов, протекавших в этих языках в древнее время, и на общности некоторых тенденций их развития в более поздний период.

Кроме фактов чисто лингвистического характера, известное значение при разделении славянских языков на три группы имеет и географический принцип: языки каждой из трех групп распространены на сопредельных территориях.

Каждая группа славянских языков близка к другим основным славянским языковым группам разными своими чертами. Восточнославянские языки по некоторым признакам являются более близкими к южнославянским, чем к западнославянским. Эта близость заключается главным образом в некоторых звуковых явлениях, развившихся еще до появления письменности (т. е. до IX в.) как на юге, так и на востоке славянского мира, но неизвестных на западе. Однако существуют и такие явления, которые сближают восточнославянские языки с западнославянскими и совместно отличают восточные и западные языки от южных. Итак, языки восточных славян, образующие компактную группу с общими признаками, имеют разные точки соприкосновения с южнославянскими и западнославянскими языками.

* *

*

Черты сходства так заметные в звуковом составе, грамматических формах и лексике славянских языков, не могли быть обязаны своим возникновением самостоятельному, изолированному их появлению в каждом из языков.

Средства выражения языка не связаны с понятиями от природы; между звуками, формами и их смыслом нет необходимых, заранее предустановленных извечных соответствий.

Изначальная связь между звучанием языковых единиц и их значениями есть связь условная.

Поэтому совпадение нескольких, взятых из разных языков, языковых единиц, характеризуемых одинаковостью или близостью их значений, является важным указанием на общность происхождения этих единиц.

Существование в языках многих сходных признаков есть указание на родство этих языков, т. е. на то, что они являются результатом нескольких различных путей развития одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше. Иначе говоря, факт сходства славянских языков можно рассматривать как указание на существование в прошлом единого общего языка-источника, из которого сложными и разнообразными путями развивались группы славянских языков и отдельные языки.

Материал славянских языков дает широкие возможности для восстановления этапов их истории и позволяет проследить развитие их из единого источника. Если, исследуя прошлое славянских языков, все более и более углубляться в древность, то станет очевидным, что чем

древнее эпоха, тем больше сходства между отдельными языками, тем ближе они между собой по звуковому составу, грамматике и словарю. Это приводит к мысли о существовании такого состояния языков, при котором они имели общий звуковой состав, общую грамматическую систему, общий словарь и, следовательно, составляли общую группу близких языков или один общий язык, из которого впоследствии развились отдельные языки. Такой общий язык невозможно восстановить во всех его деталях, однако многие черты его восстановлены, и реальность существования этого языка не вызывает сейчас сомнений. Язык-источник славянских языков, теоретически восстанавливаемый в научных целях средствами сравнительно-исторического языкознания, называется общеславянским языком-основой или праславянским языком.

* *

*

Существование у славян языка-основы в свою очередь предполагает наличие в древности единого племени или группы племен, давших начало славянским народностям и нациям более позднего времени.

Вопросы происхождения славян и их древнейшей истории заключают в себе много трудностей, и в этой области еще далеко не все разрешено окончательно.

Первые достоверные упоминания о славянах принадлежат античным писателям и относятся к I и II векам нашей эры. От более древних эпох жизни славян не дошло иных свидетельств, кроме археологических находок, обнаруженных при раскопках старинных поселений и погребений, которые выявляют некоторые черты материальной культуры раннеисторических славянских поселений (например, тип гончарных изделий, тип построек, хозяйственные орудия, украшения, способ погребения умерших и т. д.).

На основании изучения археологических данных установлено, что древнейшие славянские племена складывались на территории Восточной Европы в течение тысячелетий, предшествовавших началу нашей эры.

По мнению большинства советских, польских и чехословацких ученых, истоки славянской истории следует искать в конце III и во II тысячелетии до нашей эры, когда на обширных пространствах между Днестром, Карпатами, Одером и южным побережьем Балтийского моря расселились земледельческо-скотоводческие племена, объединяемые общностью особенностей их материальной культуры. Позднее, в конце II тысячелетия и в I тысячелетии до н. э., на этой же территории обитали земледельческие племена, которые считаются ранними славянскими племенами. Эти племена близко соприкасались с фракийскими, иллирийскими, финно-угорскими, скифскими и другими соседними племенами, часть которых впоследствии была ассимилирована славянами. Итогом этого процесса было образование на рубеже нашей эры основных групп раннеславянских племен, занимавших бассейн Вислы, Поднепровье и Северное Прикарпатье. Авторы начала нашей эры знали в этих местах племя венедов. Позднее, в VI в., здесь отмечалось существование двух крупных славянских объединений - склавин и антов.

* *

*

Язык древних славянских племен, сформировавшихся на обширных пространствах Восточной Европы, в течение долгого времени (до эпохи распада славянского единства) был очень устойчив, что выразилось в длительном неизменном сохранении целого ряда языковых фактов. Вероятно, взаимный контакт между племенами был таким тесным, что диалектные

различия не выступали слишком резко.

Однако этот язык не следует представлять себе как некое абсолютно неподвижное единство. Родственные диалекты, несколько отличающиеся друг от друга, в нем существовали. Они находились во взаимодействии с языками ближайших иноплеменных соседей. Установлено, что еще в общеславянский язык проникли некоторые заимствования из соседних языков, вошедшие впоследствии во все или во многие славянские, например из германских языков (рус., укр. и белорус. князь, болг. княз, сербохорв. кнез "князь", "правитель области", словен. knez, чеш. knez "князь", "священник", словац. knaz, пол. ksiądz "князь", верхнелуж. и нижнелуж. knez "господин", "патер"; рус. изба, болг. изба "землянка", "шалаш", "хижина", сербохорв. изба "комната", "погреб", словен. isba "комната", чеш. izba "комната", "изба", пол. izba "изба", "комната", верхнелуж. jsra, sra, нижнелуж. sra, каш. jizba (в тех же значениях); из иранских языков (например, рус. топор, белорус, тапор, словен. torog, чеш. torog "топорище", верхнелуж. torogo, словац. torog, пол., torog)¹. Широкое распространение одинаковых иноязычных заимствований на всем пространстве славянских языков иногда рассматривается как указание на длительность эпохи древнего славянского единства².

* *

*

При установлении языкового родства особенное внимание уделяется грамматическому строю языков и их звуковой системе. Надежнейшим критерием родственной близости сравниваемых языков считается близость грамматического строя, так как из всех сторон языка грамматический строй является наиболее устойчивым и отличается чрезвычайно постепенным и медленным темпом развития.

Важным проявлением родства служит также сходство в словарном составе языков, выражающееся в сходстве древних корней слов и других словообразовательных элементов или целых слов, при условии, если грамматический строй языков, из которых извлекаются эти языковые единицы, дает право считать данные языки родственными. Материальная близость корней, грамматических формативов и целых слов дополняет и подкрепляет доказательства языкового родства.

В настоящей работе рассматриваются некоторые явления в области словарного состава, указывающие на близость между славянскими языками в наше время и на происхождение их из единого источника. Из многотысячного лексического состава славянских языков избрано некоторое количество примеров, иллюстрирующих основные пути и процессы развития древнейшей славянской лексики и показывающих возникновение по языкам новых словарных особенностей, сложность родственных связей между отдельными языками в области словаря.

Для определения путей развития словарного состава чрезвычайно важно установить характер и границы первоначального, праславянского словаря как исходного пункта в истории многих слов.

Древний словарь, конечно, не восстановим во всей своей совокупности. Развитие языков из единого источника не нужно понимать прямолинейно и упрощенно. В процессе исторического развития языка от эпохи к эпохе слова, входящие в него, сильно изменяются; обновляется самый состав словаря: в него входят все новые и новые единицы, другие же постепенно исчезают. В словарном составе каждого отдельного языка из группы родственных языков имеется очень много измененного и нового, а вместе с тем в нем

многое и отсутствует из того, что имелось в языке-основе. При этом факты языка, утраченные бесследно, не могут быть восстановлены, так как восстановление делается на основании тех следов, которые остались в языках от древней эпохи.

Разные области языка развиваются неравномерно. Что касается словаря, то эта область характеризуется чертами особенной подвижности и изменчивости. "Жизнь способствует изменению словаря, увеличивая число причин, действующих на слова. Социальные отношения, специальность, орудия труда изменяют словарь, изгоняют старые слова или изменяют их значения, требуют создания новых слов. Деятельность сознания постоянно получает новые побуждения для работы над словарем. Короче говоря, не найдется ни одной области, где причины изменений явлений были бы сложнее, многочисленнее и разнообразнее", - писал французский лингвист Ж. Вандриес³.

Лексическая сторона языка является весьма восприимчивой к иноязычным заимствованиям и чрезвычайно проницаемой для них. Поэтому когда мы встречаем в нескольких языках слова, сходные и по звуковому составу и по значению, мы должны прежде всего разрешить вопрос, не результат ли это заимствования одного языка из другого.

Касаясь вопроса о возможности восстановления древнейшего индоевропейского словарного состава, французский языковед А. Мейе заметил: "Словарный состав самый неустойчивый в языке. Слова могут исчезать по самым разнообразным причинам и заменяться новыми. В исконный словарный состав могут включаться новые слова, превышающие числом старые. Так, в английском языке на германский слой лексики наслоились элементы латинского и французского языков, не уступающие ему по объему. Бывает даже, что вся лексика относится к иной группе, чем грамматика; так обстоит дело в языке армянских цыган: грамматика и фонетика в их языке целиком армянские а лексика - полностью цыганская"⁴.

Замечание Мейе о трудности восстановления общего словарного состава индоевропейских языков в известной мере может быть отнесено и к славянским языкам.

Вместе с распадом общего славянского языка-основы на отдельные языки происходило образование из одного и того же слова нескольких слов, связанных друг с другом общностью происхождения, существующих одновременно, но в пределах разных языковых систем. Но нельзя думать, что все лексические явления, совпадающие в нескольких или во всех славянских языках, развились из единого языка, относимого к периоду первоначальной общности. Славянские языки на протяжении своей истории взаимодействовали с языками соседних народов, испытывая влияние с их стороны. После возникновения письменности через литературные языки в них проникали словарные особенности церковнославянского языка, обособившихся славянских языков соседних групп, многие иностранные слова, интернациональная лексика.

Однако, несмотря на все влияния извне, древнейший словарный фонд славянских языков сохранился в значительном объеме - несравненно большем, чем индоевропейская словарная прослойка, обнаруживаемая в современных индоевропейских языках. Славянский словарь не испытал за период своего существования сильных изменений. Наряду с вхождением некоторого количества легко ассимилированных иноязычных слов и утратой ряда древних слов в славянских языках был сохранен, переработан и обогащен древний лексический фонд.

Весьма важно разобраться в том, каким образом исконная славянская лексика может быть отделена от ранних и более поздних словарных заимствований.

Большая распространенность слова по родственным языкам еще не может служить

указанием на его исконность и незаимствованный характер (ср. приведенные выше широко представленные в современных славянских языках заимствования общеславянского периода).

Самым общим требованием для отделения исконных слов от заимствованных является отыскание в нескольких языках генетически тождественных (или этимологически тождественных) языковых единиц, т. е. единиц, восходящих к одной и той же единице и представляющих собой результат разного ее развития в отдельных языках.

Генетическое тождество не предполагает полного качественного совпадения. Эти единицы должны быть подобными в звуковом отношении, причем звуковое подобие должно быть основанным на регулярных закономерных звуковых соответствиях, наблюдаемых не только в данном примере, но в целой группе языковых явлений.

Таковыми языковыми единицами могут быть прежде всего отдельные морфемы, т. е. корни, суффиксы, приставки, окончания, затем и соединения морфем - целые слова.

Например, русское слово порох, украинское порох "пыль", "порох", белорусское порох "порох", болгарское прах "пыль", "порошок", "прах", сербохорватское прах "пыль", "порох", "порошок", словенское prah "пыль", "порох", чешское prach "пыль", "пух", "порох", словацкое prach "пыль", "порох", польское proch "порох", "пыль", "прах", верхнелужицкое и нижнелужицкое proch "пылинка", "пыль", "прах", "порох", кашубское proch "прах", "пыль", "порох" можно считать генетически тождественными и исконно славянскими словами, так как все эти слова связаны нитями, идущими к каждому из них (непосредственно или через промежуточные стадии) от их праславянского источника - слова *proch, восстанавливаемого на основе развившихся из него современных славянских слов. Условно и схематически историю этих слов можно представить следующим образом:

Изменение первоначального *proch по отдельным языкам строго подчинено известному закону звуковых соответствий, охватывающих большую группу славянских слов. По этому закону восточнославянским сочетаниям ого между согласными соответствуют южнославянские, а также чешские и словацкие сочетания га и северо-западные - польские, лужицкие и кашубские - сочетания го (белорусское сочетание ора в слове порох есть следствие аканья белорусского языка, отраженного в его орфографии). Указанное соответствие является следствием различного развития древнейшего долгого слога og в середине слова между согласными в разных местных условиях.

Важным требованием к исконным словам данной группы языков является также общность морфологического членения слов или наличие общих моментов в их морфологическом членении.

Слово порох, которое в словообразовательном отношении представляет собой в настоящее время корень с нулевым окончанием, исторически представляло собой соединение морфем, возводимых к периоду общеиндоевропейского языка-основы. При этом корень слова порох совпадает не только с корнями генетически тождественных славянских слов, но и с корнями сближаемых с ними слов индоевропейских языков. Таким образом, обнаруживаются общие моменты в морфологическом членении слова не только на славянской, но и на индоевропейской почве, что ясно указывает на исконный характер этого слова и на то, что близость соответствующих слов в родственных языках не является следствием заимствования.

Морфемы и слова - значащие единицы языка. Такими же точными, как звуковые соответствия, должны быть и семантические (смысловые) соответствия единиц, имеющих

одинаковое происхождение (генетически тождественных), представленных в родственных языках.

Границы между языками, отдельное применение родственных языков, делают словарный состав каждого из них лишенным непосредственных и живых отношений со словарем других языков.

В этих условиях исконные древние слова в родственных языках часто приобретают различное семантическое развитие. Различия, возникающие между ними, образуются путем постепенного накопления нового качества и постепенного отмирания старого качества в процессе передачи языка от поколения к поколению. Изменения первоначальных значений достигают иногда большой глубины.

В таких случаях бывает необходимо объяснить соотношения значений, имеющие место в современных языках, и доказать развитие их из единого древнего значения путем семантических переходов, вероятность которых не может вызвать сомнений.

Для русского порох и болгарского прах характерно не только звуковое подобие, основанное на фонетических особенностях русского и болгарского языков, но и смысловая связь, существование которой становится неоспоримым фактом, как только мы обращаемся к истории этих слов.

Общие моменты в семантике русского и болгарского слов есть и теперь: значения "порох" и "порошок", "пыль" объединены представлением о сыпучих телах или об отдельных мелких частицах твердого вещества, но в древности болгарское и русское значения полностью совпадали: древнерусское порох значило "пыль" (ср. в "Слове о полку Игореве": Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣют ... пороси поля прикрывають). В дальнейшем, с появлением пороха, в русском языке произошло сужение семантики слова порох, специализация его значения и утрата первоначального значения "пыль", "порошок" (в украинском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицком и кашубском языках одновременно существует и старое и новое значения этого слова).

Связь между значениями слов рассматриваемой группы окончательно убеждает в том, что мы имеем дело с фактами, развившимися разными путями из одного и того же источника, т. е. генетически тождественными. Таким образом, наряду с принципом фонетической и структурной объяснимости необходимо иметь в виду и принцип смысловой объяснимости соотношений между сопоставляемыми единицами.

Руководствуясь этими основными требованиями, можно с достаточной уверенностью отличить слова, общность которых данным языкам основана на родстве этих языков, от общих им слов другого происхождения (заимствованных).

* *

*

В славянских языках замечается поразительное единство в отношении ряда слов, унаследованных от древних времен. Каждое из слов этой группы имеет в современных языках или одинаковый, или очень сходный звуковой состав. Специальный лингвистический анализ, об основных требованиях которого сказано выше, устанавливает исконный характер этих слов и происхождение их из общих источников. Значения каждого слова из группы генетически родственных слов в основном одинаковы по языкам: они имеют одну и ту же предметную соотнесенность и могут отличаться в языках лишь разницей в связях с другими словами.

Общность большой группы слов для всех славянских языков служит весьма наглядным

проявлением их близости между собой. Эти общие слова, совпадающие по славянским языкам, могут быть использованы как материал для восстановления элементов словарного состава общеславянского языка-основы (праславянского языка).

Среди многочисленных общих славянских слов древнего происхождения заметно выделяется ряд семантических групп слов, характеризующихся чертами особой устойчивости. Это названия родственных отношений, предметов и явлений природы, частей тела человека и животных, сельскохозяйственных культур, домашних и диких животных, рыб, хозяйственных занятий, важнейших простых действий и некоторые другие.

Так, например, понятие рода как ряда поколений, происходящих от одного предка, обозначается в славянских языках одинаково: ср. рус. род, укр. рід, белорус. род, болг. и сербохорв. род, словен. rod, чеш. и словац. rod, верхнелуж. rod, нижнелуж. rod, пол. rod, каш. rod. Русскому слову племя во многих славянских языках соответствуют близкие по звукам слова: укр. племя, белорус. племя, болг. племе, сербохорв. племе, словен. pleme, чеш. pleme, словац. pľema, пол. plemie. Некоторая разница в звуковом составе объясняется различной по славянским языкам судьбой конечного звука этого слова, который в древнейший период произносился как носовой гласный.

Очевидно сходство в звучании основных обозначений родства: ср. рус. мать, укр. маті, белорус. маці, болг. майка, сербохорв. мајка, словен. mati, чеш. и словац. matka, нижнелуж. mas, верхнелуж. mas, пол. matka, каш. mas; рус. отец, белорус. ацец, сербохорв. отац, словен. ose, чеш. и словац. otес, нижнелуж. wosc, пол. ojciec, каш. w?jс; рус. сын, укр. син, белорус. сын, болг. син, сербохорв. син, словен. sin, чеш. и словац. syn, нижнелуж. и верхнелуж. syn, пол. syn, каш. sin; рус. дочь, укр. и белорус. дочка, болг. дъщеря, сербохорв. кћи, словен. hci, чеш. dcera, словац. dcera, пол. córka "дочка"; рус. брат, укр. брат, белорус. брат, болг. брат, сербохорв. брат, словен. brat, чеш. bratr, словац. brat, нижнелуж. brat, верхнелуж. bratr, пол. brat, каш. brat; рус. сестра, укр. сестра, белорус. сястра, болг. сестра, сербохорв. сестра, словен. sestra, чеш. и словац. sestra, нижнелуж. sostra, sotsa, верхнелуж. sotra, пол. siostra, каш. sostra.

Много общего сохраняют славянские языки в названиях неба, небесных светил и некоторых явлений природы: ср. рус. и укр. небо, белорус. неба, болг. небе, сербохорв. небо, словен. nebo, чеш. nebe, словац. nebo, верхнелуж. njebjo, пол. niebo, каш. neb?e; рус. и белорус. месяц, укр. місяць, болг. месец, словен. mesec, сербохорв. месец, чеш. mesic, словац. mesiac, верхнелуж. mesac, пол. miesiac "календарный месяц", каш. mjес; рус. солнце, укр. сонце, белорус. сонца, болг. слънце, сербохорв. сунце, словен. sonce, чеш. slunce, словац. slnce, верхнелуж. slonso, нижнелуж. slynco, пол. slonce; рус. ветер, укр. вітер, белорус. вецер, болг. вятър, сербохорв. ветар, словен. veter, чеш. vitr, словац. vietor, верхнелуж. wetr, нижнелуж. wets, пол. wiatr, каш. vjater; в наименованиях частей тела, например: рус. и укр. голова, белорус. галава, болг. и сербохорв. глава, словен. glava, чеш. и словац. hlava, верхнелуж. hlowa, нижнелуж. glowa, пол. glowa, каш. glova; рус. укр. и белорус. рука, болг. ръка, сербохорв. рука, словен. roka, чеш. и словац. ruка, верхнелуж. и нижнелуж. ruка, пол. reka, каш. raка; рус. и укр. нога, белорус. нага, болг. диалектное нога (при общеполгарском крак), сербохорв. нога, словен. poga, чеш. poha, верхнелуж. poha, нижнелуж. poga, пол. poga, каш. poга; рус., укр. и белорус. зуб, болг. зъб, сербохорв. зуб, словен. zob, чеш. и словац. zub, верхнелуж. и нижнелуж. zub, пол. zab, каш. zab; рус. ухо, укр. вухо, белорус. вуха, болг. ухо, сербохорв. ухо, словен. uho, чеш. и словац. ucho, верхнелуж. wucho, нижнелуж. hucho, пол. ucho, каш. wx?u; рус. сердце, укр. серце, белорус. сэрца, болг. сърце, сербохорв. срце, словен.

srce, чеш. и словац. srdce, нижнелуж. serce, пол. и каш. serce.

В основном одинаково называются у славян многие сельскохозяйственные культуры. Ср. рус. пшеница, укр. пшениця, белорус. пшаніца, болг. пшеница, сербохорв. пшеница, словен. pseniца. чеш. pseniце, словац. pseniца, нижнелуж. pseniца, верхнелуж. psensa, пол. pszenica, каш. pseniца; рус. ячмень, укр. ячмінь, белорус. ячмень, болг. ечемик, сербохорв. јечам, словен. јестен, чеш. јестен, словац. јастен, нижнелуж. јас, верхнелуж. јестјен, пол. јесзмиен, каш. јісте; рус. просо, укр. просо, белорус. проса, болг. просо, сербохорв. просо, словен. praso, чеш. praso, словац. praso, нижнелуж. psoso, верхнелуж. praso, пол. praso, каш. praso; рус. рожь, болг. рѣж, сербохорв. раж, словен. rz, чеш. rez, словац. raz, нижнелуж. rez, верхнелуж. rez, каш. rez; рус. овес, укр. овес, белорус. авес, болг. овес, сербохорв. оvas, словен. oves, чеш. oves, словац. ovos, нижнелуж. hows, верхнелуж. wows, пол. owies, каш. wovs; рус. горох, укр. горох, белорус. гарох, болг. грах, сербохорв. грах, словен. grah, чеш. hrach, словац. hrach, нижнелуж. groch, верхнелуж. hroch, пол. groch, каш. grox; рус. лен, укр. льон, белорус. лен, болг. лен, сербохорв. лан, словен. lan, чеш. len, словац. lan, нижнелуж. lan, верхнелуж. len, пол. len, каш. len.

Большое сходство наблюдается также в наименованиях некоторых домашних животных по современным славянским языкам. Ср. рус. слово свинья, укр. свиня, белорус. свіння, болг. свиня, сербохорв. свина, словенск. svinja, чеш. svine, словац. svina, нижнелуж. swina, верхнелуж. swinjo, пол. swinia, каш. svina; рус. корова, укр. корова, белорус. карова, болг. крава, сербохорв. крава, словен. krava, чеш. krava, словац. krava, верхнелуж. krowa, нижнелуж. krowa, пол. krowa, каш. krowa; рус. овца, укр. вівця, белорус. авечка, болг. овца, сербохорв. овца, словен. ovca, чеш. ovce, словац. ovca, нижнелуж. wojca, верхнелуж. wowca, пол. owca, каш. w?wca; рус. коза, укр. коза, белорус. каза, болг. коза, сербохорв. коза, словен. koza, чеш. koza, словац. koza, нижнелуж. koza, пол. koza, каш. k?za; рус. конь, укр. кінь, белорус. конь, болг. кон, сербохорв. кон, словен. konj, чеш. kun, словац. kon, нижнелуж. kon, верхнелуж. kon, пол. kon, каш. kon; рус., укр. и белорус. пес, болг. пес, пѣс, сербохорв. пас, словен. pes, чеш. pes, верхнелуж. и нижнелуж. pjas, пол. pies, каш. pjes.

От праславянских времен сохранились до наших дней и такие слова из области скотоводства, как стадо, пастух, сено. Ср. рус. стадо, укр. стадо, белорус. стадо, болг. стадо, сербохорв. стадо, чеш. stado, словац. stado, нижнелуж. stado, stadlo, верхнелуж. stadlo, пол. stado; рус. пастух, укр. пастух, белорус. пастух, болг. пастир, словен. pastir, чеш. pastyr, словац. pastier, нижнелуж. pastyr, верхнелуж. pastyr, пол. pastuch, pasterz, каш. pastur; рус. сено, укр. сіно, белорус. сена, болг. сено, сербохорв. сено, словен. seno, чеш. seno, словац. seno, нижнелуж. seno, пол. siano, каш. sano.

Для названий предметов, связанных с занятием охотой, в праславянском также было много слов, которые сохранились доньше во всех славянских языках. Это названия орудий охоты, наименования диких животных и т. д. Ср. рус. лук, укр. лук, белорус. лук, болг. лѣк, сербохорв. лук, словен. lok, чеш. luk, верхнелуж. wobluk, пол. luk; рус. стрела, укр. стріла, белорус. страла, болг. стрела, сербохорв. стрела, словен. strela, чеш. strela, словац. strela, нижнелуж. stsela, верхнелуж. trela, пол. strzala; рус. вепрь, "дикий кабан", укр. вепір, белорус. вяпрук, болг. вепър, сербохорв. вепар, словен. verper, чеш. verp, словац. verpor, пол. wieprz, нижнелуж. wjarp, верхнелуж. vjarp; рус. лиса, укр. лис, лисица, лыс, белорус. лісіца, ліс, болг. лисица, сербохорв. лисица, словен. lisa, чеш. liska, словац. liska, нижнелуж. liska, верхнелуж. lis, lisak, пол. lis, lisica, каш. les, leseca; рус. бобр (бобёр), укр. бобер, белорус. бабер, болг. бѣбрь, словен. beber, сербохорв. дабар, чеш. bobr, словац. bobor, нижнелуж. и

верхнелуж. bobr, пол. bobr, каш. b?br; рус. олень, укр. олень, белорус. алень, болг. елен, сербохорв. јелен, словен. jelen, чеш. jelen, словац. jelen, нижнелуж. jelen, пол. jelen, каш. jelen. Слова для выражения понятий, связанных с рыболовством: рус. невод, укр. невід, белорус. невад, болг. невод, чеш. nevod, нижнелуж. navod, пол. niewod; рус. мерёжа, укр. мережа, болг. мрежа, сербохорв. мрежа, словен. mreza, чеш. mříze, словац. mreza, пол. mżeza, каш. mreza; рус. верша, белорус. верша, укр. верша, словен. vrša, чеш. vrše, словац. vrša, нижнелуж. , верхнелуж. wjersa, пол. wiersza; рус. уда, укр. вудка (устарелое), белорус. вуда, болг. въдица, сербохорв. удица, чеш. udice "крючок", словац. udica, верхнелуж. wuda, нижнелуж. huda, пол. weda; рус. рыба, укр. риба, белорус. рыба, болг. риба, сербохорв. риба, словен. riba, чеш. , верхнелуж. , нижнелуж. и пол. губа, каш. reba; рус. икра, укр. ікра, белорус. ікра, сербохорв. икра, чеш. jíkra, верхнелуж. jíkra, нижнелуж. jekr, пол. ikra; рус. осетр, укр. осетр, ясетр, белорус. асетр, болг. есетра, сербохорв. јесетра, чеш. jeseter, словац. jesetr, нижнелуж. jesotr, пол. jesiotr, каш. jesoter; рус. окунь, укр. окунь, белорус. акунь, словен. okun, чеш. okoun, словац. okun, нижнелуж. hokun, пол. okon; рус. сом, укр. сом, сум, болг. сом, сербохорв. сом, словенск. som, чеш. sumec, пол. sum.

В древнейшие эпохи славянские племена были знакомы с изготовлением глиняной посуды, о чем свидетельствуют не только находки при раскопках, но и широкое распространение терминов гончарного ремесла в современных славянских языках. Ср. рус. гончар, укр. гончар, белорус. ганчар, болг. грънчар, сербохорв. грнчар, чеш. hrncíř, словац. hrnciar, верхнелуж. hornser, пол. garncarz. Из многочисленных слов, относящихся к прядению и ткачеству, отметим веретено, полотно: ср. рус. и укр. веретено, болг. вретено, сербохорв. вретено, словен. vreteno, чеш. vřeteno, словац. vřeteno, верхнелуж. wřjeseno, нижнелуж. reseno, пол. wřzesciono; рус. и укр. полотно, болг. платно, сербохорв. платно, словен. platno, чеш. platno, словац. platno, верхнелуж. plotno, нижнелуж. plotno, пол. plotno, каш. plotno.

Большое распространение имеют в славянских языках некоторые исконно славянские, появившиеся еще в глубокой древности, названия абстрактных понятий и психических процессов. Ср. рус. правда, укр. правда, белорус. праўда, болг. правда "право", сербохорв. правда, словен. pravda "суд", "процесс", чеш. и словац. pravda, верхнелуж. prawda, нижнелуж. psawda, пол. prawda; рус. вера, укр. віра, белорус. вера, болг. вяра, сербохорв. вера, словен. vera, чеш. víra, верхнелуж. и нижнелуж. wera, пол. wiara, каш. vjara; рус. радость, укр. радість, белорус. радасць, болг. радост, сербохорв. радост, словен. radost, чеш. и словац. radost, верхнелуж. и нижнелуж. radosc, пол. radosc; рус. страх, укр. страх, белорус. страх, болг. и сербохорв. страх, словен. strah, чеш. и словац. strach, верхнелуж. strach, нижнелуж. tsach, пол. strach, каш. strach; рус. память, укр. пам'ять, белорус. памяць, болг. памет, сербохорв. памет, чеш. pamet, словац. pamat, верхнелуж. romjatk, пол. pamies, каш. pamjas; рус. мысль, белорус. мысьль, болг. мисъл, сербохорв. мисао, словен. misel, верхнелуж. и нижнелуж. mysl, чеш. mysl, словац. myslienka, пол. mysl, каш. mesl 6.

Среди названий признаков большим распространением по славянским языкам до сих пор пользуются некоторые слова, обозначающие физические свойства предметов, например цвет: ср. рус. белый, укр. білий, белорус. белы, болг. бял, сербохорв. бео, словен. bel, чеш. bíly, словац. biely, верхнелуж. и нижнелуж. bely, пол. biały, каш. bjely; рус. желтый, укр. жовтий, белорус. жоўты, болг. жълт, сербохорват. жут, словен. zolt, чеш. zluty, словац. zlt?, верхнелуж. zolty, пол. zolty, каш. zelti; рус. зеленый, укр. зелений, белорус. зялены, болг. зелен, сербохорв. зелен, словен. zelen, чеш. zeleny, словац. zeleny, верхнелуж. и нижнелуж. zeleny, пол. zielony, каш. zelony; физические особенности живых существ, например: рус.

здоровый, укр. здоровий, белорус. здоровы, болг. здрав, сербохорв. здрав, словен. zdrav, чеш. zdravu, словац. zdravu, верхнелуж. и нижнелуж. strowy, пол. zdrowy, каш. zdrov; рус. толстый, укр. товстий, белорус. тоўсты, болг. тлъст, сербохорв. туст, словен. tolst, чеш. tlusty, словац. tlsty, верхнелуж. tolsty, нижнелуж. tlusty, klusty, пол. tlusty, каш. tlesti; рус. слабый, укр. слабкий, слабый, белорус. слабы, болг. и сербохорв. слаб, словен. slab, чеш. и словац. slaby, верхнелуж. и нижнелуж. slaby, пол. slaby, каш. slaby.

Славянские народы и сейчас пользуются многими названиями действий и состояний, возникшими задолго до обособления славянских языков. В число их входят, например, глаголы: есть (ср. укр. їсти, белорус. есці, болг. ям, сербохорв. јести, словен. jesti, чеш. jísti, словац. jest, верхнелуж. и нижнелуж. јesc, пол. јesc, каш. јesc), жить (ср. укр. жити, белорус. жыць, болг. живея, сербохорв. живети, словен. živeti, чеш. zíti, словац. zit, верхнелуж. зіс, нижнелуж. zuwís, пол. zus, каш. zec); некоторые глаголы движения, например: рус. идти, укр. іти, белорус. ісці, болг. ида, сербохорв. ићи, словен. iti, чеш. jítí, словац. íst, пол. ísc, каш. jíc; рус. вести, водить, укр. вести, водити, белорус. весці, вадзіць, болг. вода, сербохорв. водити, словен. voditi, чеш. voditi, словац. viest, vodit, верхнелуж. wodzic, нижнелуж. wјasc, пол. wiesc, каш. vјesc; рус. гнать, укр. гнати, белорус. гнаць, болг. гоня, сербохорв. гонити, словен. goniti, чеш. honiti, словац. hnati, верхнелуж. hnas, нижнелуж. gnas, пол. gnac, gonіc, каш. g?nіc; некоторые названия, обозначающие различные конкретные действия, направленные на физические объекты, например ср. рус. резать, укр. різати, белорус. рэзаць, болг. режа, сербохорв. резати, словен. rezati, чеш. rezati, словац. rezat, верхнелуж. rezac, нижнелуж. rezas, пол. rzezac; рус. ковать, укр. кувати, белорус. каваць, болг. кова, сербохорв. ковати, словен. kovati, чеш. kovati, словац. kovat, верхнелуж. kowac, нижнелуж. kovas, пол. kuc, kowac, каш. k?vac; рус. мыть, укр. мыти, белорус. мыць, болг. мия, сербохорв. мити, словен. miti, чеш. myti, словац. myt, верхнелуж. mус, нижнелуж. mус, пол. mус, каш. мес; рус. печь, укр. пекти, белорус. пячы, болг. пека, сербохорв. пећи, словен. peci, чеш. peci, словац. pec, верхнелуж. рјес, нижнелуж. рјас, пол. ріес, каш. рјес; рус. ткать, укр. ткати, белорус. ткаць, болг. тъка, сербохорв. ткати, словен. tkati, чеш. tkati, словац. tkat, верхнелуж. tkac, нижнелуж. tkas, пол. tkac, каш. tkac; рус. шить, укр. шити, белорус. шыць, болг. шия, сербохорв. шити, словен. siti, чеш. siti, словац. sit, верхнелуж. сіс, нижнелуж. sys, пол. szyc, каш. sec.

Общими во всех славянских языках являются слова, обозначающие почти все важнейшие виды сельскохозяйственных работ. Ср. древнерус. орати "пахать", укр. орати, белорус. араць, болг. ора, сербохорв. орати, словен. orati, чеш. orati, словац. orat, пол. orac; рус. сеять, укр. сіяти, белорус. сеяць, болг. сея, сербохорв. сејати, словен. sejati, чеш. siti, словац. siat, нижнелуж. ses, пол. siac, каш. soc; рус. жать, укр. жати, белорус. жаць, болг. жьна, сербохорв. жети, словен. zeti, словац. zat, чеш. ziti, нижнелуж. znes, верхнелуж. zec, пол. zac, каш. зіс; рус. молотить, укр. молотити, белорус. малаціць, болг. млатя "бить, колотить", сербохорв. млатити, словен. mlatiti, чеш. mlatiti, словац. mlatit, нижнелуж. mlosis, верхнелуж. mlócic, пол. mlócic; рус. веять, укр. віяти, белорус. веяць, болг. вея, сербохорв. вејати, словен. vejati, чеш. vati, словац. viat, нижнелуж. wјas, верхнелуж. wec, пол. wіac, каш. vјoc; рус. молот, укр. молоти, белорус. малоць, болг. меля, сербохорв. млети, словен. mleti, чеш. mliti, словац. mliet, нижнелуж. mlas, верхнелуж. mlес, пол. mlес, каш. mlес.

Из названий действий, относящихся к скотоводству, хорошо сохранился по языкам глагол пасти: ср. рус. пасти, укр. пасти, белорус. пасвіць, болг. паса, сербохорв. пасти, словен. pasti, чеш. pasti, словац. past, нижнелуж. pastwіs, верхнелуж. pastwіc, пол. pasc, pasac, каш. pasc.

Одинаковый для всех славянских языков словарный материал имеется и среди имен

числительных, местоимений, наречий, междометий. К ним можно добавить и ряд основных предлогов, союзов, частиц.

Широкое распространение этих слов по славянским языкам, генетическое тождество каждой группы слов с близкими звучаниями и значениями, особенности их морфологической структуры являются показателями того, что все эти слова были достоянием языка славян еще в эпоху их первоначальной общности.

Эти слова доносят до нашего времени зафиксированный в языке запас представлений, передававшихся в ряду поколений и отражавших характерные особенности эпохи родового строя с ее примитивным хозяйственным укладом. Они указывают на важное значение земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства в хозяйстве древних славян, на существование у них таких культурных навыков, как обжигание глиняной посуды, ткачество, шитье, кузнечное дело 7.

Древность слов, унаследованных современными славянскими языками от праславянского, не одинакова. Праславянский язык возник на базе древнейшего индоевропейского языкового наследия, поэтому лингвистический анализ исконных общеславянских слов позволяет установить весьма отдаленную историческую перспективу развития некоторых из них. Часть этих слов - чаще всего в своих корнях - представляет собой наследие времен еще более древних, чем эпоха славянской общности, и восходит к различным периодам существования индоевропейского языка-основы на разных территориях его распространения. Для этих слов можно найти засвидетельствованные в древних памятниках или сохранившиеся до наших дней общие параллели о всех индоевропейских языках, или в различных зонах индоевропейской языковой области: в языках балтийских, германских, иранских, индийских и т. д. (Отсутствие таких параллелей не всегда значит, что их никогда не было. Они могли быть утрачены или не отражены в письменности.)

К древнейшему индоевропейскому лексическому слою относятся прежде всего разные слова, обозначающие родственные связи: например, славянское обозначение матери (ср. санскр. *matar*, греч. ?????, латин. *mater*, древневерхненем. *muoter*, армян, *mair* "мать", древнепрус. *romatre* "мачеха", латыш. *mate* "мать", лит. *mote* "жена", "женщина"), дочери (ср. санскр. *duhita*, греч. ????????, гот. *dauhtar*, нем. *Tochter*, арм. *dustr*, лит. *dukte*), сестры (ср. санскр. *svasa*, латин. *soror*, гот. *swistar*, нем. *Schwester*, армян, *huur*, древнепрус. *swestro*, лит. *sesuo*), брата (ср. санскр. *bhratar* "брат", греч. ??????? "член фратрии", латин. *frater*, гот. *brothar*, нем. *Bruder*, лит. *brolis*, латыш. *bralis* "брат") и многие другие. Древнее индоевропейское происхождение также имеет корень славянского слова отец. Этот корень засвидетельствован только некоторыми индоевропейскими языками (ср. латин. *atta* "отец", греч. ????"папа", "бабушка", древневерхненем. *atto* "отец", гот. *atta* "отец", албан. *at* "отец"); в праславянском к древнейшему корню был присоединен суффикс, имевший первоначально уменьшительно-ласкательную окраску (ср. рус. *от-ец*), которая впоследствии была утрачена.

В славянских языках сохранены также старые индоевропейские корни для названий небесных светил: месяца (луны) (ср. санскр. *mas*, *ma?sas* "месяц", "луна", новоперс. *mah*, *mang* "луна", греч. ??? "месяц", ????? "луна", латин. *mensis* "месяц", гот. *mena* "луна", нем. *Monat* "месяц", албан. *muaj* "месяц", армян, *amis* "месяц", латыш. *meness* "луна", "месяц", лит. *menuo*, *mnenesis* "луна", "месяц"), солнца (ср. санскр. *svar* "солнце", "свет", "небо", греч. ????? "солнце", латин. *sol* "солнце", нем. *Sonne* "солнце", древнепрус. *saule*, латыш. *saule*, лит. *saule* "солнце"); явлений природы, например ветра (ср. санскр. *vatas*, *vayu-s* "ветер", греч. ?????, латин. *ventus*, гот. *vinds*, нем. *Wind*, древнепрус. *wetro* "ветер", лит. *vetra* "буря"); некоторых

частей тела человека, например уха (ср. греч. ???, латин. auris, албан. ves, армян. ւիկ, гот. auso, нем. Ohr, латыш. auss, лит. ausis "ухо"); некоторых сельскохозяйственных культур, например ржи (ср. нем. Roggen, англ. rye, латыш. rudzi, лит. rugiai "рожь"), овса (ср. санскр. avasam "пища", латин. avena "овес", "кормовая трава", древнепрус. wyse, латыш. auzas "овес", лит. aviza "овсяное зерно"), гороха (ср. древневерхненем. gers, gires, girst, латыш. garsa, лит. garsve "снять"), льна (ср. греч. ?????, латин. linum, гот. lein, нем. Lein "лен", лит. linas "стебелек льна"); домашних животных, например овцы (ср. санскр. avis "овца", греч. ???, латин. ovis, англосакс. eow, англ. ewe, древнепрус. awins "овца", латыш. auns "баран", лит. avis "овца"), свиньи (ср. санскр. sukaras "свинья", "кабан", греч. ?? "свинья", ????? "свиной", латин. sus "свинья", suinus "свиной", гот. swain, нем. Sau, Schwein "свинья", латыш. sivals "поросенок").

Индоевропейские корни сохраняются в славянских названиях диких животных, например оленя (ср. греч. ????? "олень", древнепрус. alne "животное", латыш. alnis "лось", лит. elnis, elnias "олень", elne "лань"), вепря (ср. латин. aper "кабан", "вепрь", англосакс. eofor "кабан", "вепрь", нем. Eber "кабан", "вепрь"), бобра (ср. санскр. babhrus "бурый", латин. fiber "бобёр", англосакс. beofor, латыш. bebrs, лит. bebras, bebrus "бобер"); орудий охоты, например лука (ср. латин. laqueus "веревка с петлей", "аркан", дат. laenge "веревочная петля", албан. lengor "гибкий", лит. lankas "лук"); некоторых чувств, например радости (ср. англосакс. got "радостный", "добрый", лит. gods "охотный"); психических процессов, например памяти (ср. санскр. matī, латин. mens "ум", "мышление", "рассудок", гот. gamunds "память", лит. atmintis "способность помнить"); в названиях некоторых признаков, обозначенных именами прилагательными, например в названии белого цвета (ср. санскр. bhalam "блеск", англосакс. bael "костер", латыш. balts "белый", лит. baltas "белый", balti "белеть"), желтого цвета (ср. греч. ?????, ??? "желчь", латин. flavus "желтоватый", "золотистый", нем. Galle "желчь", древнепрус. galatunam, латыш. dzeltens "желтый", лит. geltas "желтый", gelta "желтизна"); во многих названиях действий, обозначенных глаголами, например есть (ср. санскр. atti "ест", латин. edo "есть", греч. ????? "есть", гот. itan, древнепрус. ist "ест", латыш. est "есть", "кушать", лит. esti, (eda, ede) "пожирать", "поглощать"), идти (ср. санскр. eti, греч. ???, латин. eo, гот. iddja, лит. eiti), вести (ср. древнеирл. feidim "веду", древнепрус. vestwei "вести", латыш. vadit "руководить", лит. vesti "вести"), гнать (ср. санскр. hanti "бьет", "попадает", "убивает", греч. ????? "бить", "поражать", армян. ganem "бью", "бичую", лит. ginti, (gena, gine) "гнать", "выгонять"), ковать (ср. латин. cudo "ударять", "бить", "колотить", нем. hauen "бить", "рубить", "ударить", латыш. kaut "ударять", "ковать", лит. kauti "ударять", "ковать"), печь (ср. санскр. rasati "варит", "печет", "жарит", греч. ????? "пеку", "варю", латин. coquo, (coxi, coctum) "пеку", "варю", албан. rjek "пеку", латыш. zert "печь", "жарить", лит. kepti, (с перестановкой согласных) "печь", "жарить"), сеять (ср. латин. sero, гот. saian, нем. saen, лит. seju "сеять") и мн. др.

Некоторые старые индоевропейские корни продолжают существовать в славянских языках в распространенных формах, в соединении со славянскими суффиксами; например, название овцы (ср. латин. ovis), сердца (ср. латин. cor), месяца (ср. греч. ???), солнца (ср. латин. sol). От индоевропейского корня, входившего в название быка, известного, например, в одном из балтийских языков (ср. латыш. govš "корова"), славянские языки образовали производные с близкими значениями (ср. болг. говедо "крупный рогатый скот", сербохорв. говеда "рогатый скот", чеш. hovado "скотина", рус. говядина "мясо рогатого скота") 8.

Таким образом, в праславянском языке сохранилось многое из индоевропейского

словаря, хотя этот языковой материал и подвергся на славянской почве специфическим изменениям.

Сохраненные элементы словаря, так же как и особенности грамматического строя, близкого к грамматическому строю других индоевропейских языков, тесно связывают славянские языки с другими индоевропейскими языками.

Но целый ряд древнейших индоевропейских корней славянскими языками не отражен. По-другому по сравнению с прочими индоевропейскими народами, стали называться у славян такие животные, как конь, пес, вол. Славянским новообразованием является и наименование для рыбы. Славянские обозначения для этих понятий не имеют убедительных параллелей в других индоевропейских языках.

Ко многим важнейшим славянским словам есть параллели в балтийских языках. Выдающийся исследователь балтийских языков проф. Я. М. Эндзелин еще в 1911 г. отмечал до двухсот таких параллелей 9. В дальнейшем эта цифра была увеличена. Весьма важно, что в балтийских и славянских языках мы находим не только родственные корни, но и родственные слова. Некоторые из них характерны только для балтийских и славянских языков, не находят повторения в прочих индоевропейских и являются, по-видимому, одинаковыми для балтийских и славянских языков новообразованиями, а следовательно, и характернейшим признаком тесной связи этих языков. Существование большой группы общих слов сближает славянские и балтийские языки, обособляет эти две языковые группы среди прочих индоевропейских.

Так, например, вместо различных индоевропейских названий для руки, в славянских языках есть особое слово, близкое к литовскому *ranka* "рука" и к литовскому глаголу *rinkti* - "собирать". Славянское название ноги сильно отличается от прочих индоевропейских ее названий, но имеет параллель в балтийских языках: лит. *paга* значит "копыто". Как славянское нога, так и литовское *paга* есть производные от древнего индоевропейского названия ногтя, которое также сохранено славянскими и балтийскими языками: рус. ноготь, древнепрус. *pagutis*, лит. *pagas*, латыш. *pagis* 10.

Из названий частей тела отметим также близость славянского названия головы (старослав. глава, древнерус. голова) и лит. *galva*, древнего славянского названия пальца (старослав. прѣсть, древнерус. пѣръсть) и лит. *pirstas*.

Из названий древесных пород близки славянское название липы и лит. *liera*.

Среди названий домашних животных славянские и балтийские языки имеют близкие названия для коровы (ср. лит. *karve*), среди названий рыб - близкие названия для сома (ср. лит. *samas*, латыш. *sams*). Из числа глаголов отметим близость лит. *nesti* "нести" и соответствующего славянского глагола.

Другие элементы славянского словарного состава созданы на славянской почве. Со стороны звукового и морфологического состава они существенным образом отличаются от соответствующих им по значению слов других индоевропейских языков, в том числе и балтийских, и представляют собой чисто славянские словарные явления.

Некоторые славянские новообразования легко расчленить на составные части, параллели для которых обнаруживаются в пределах славянского языкового материала; можно установить и признаки предметов, положенные в основу их наименований, т. е. определить способ выражения понятия через слово. Так, среди названий сельскохозяйственных культур, перечисленных выше, чисто славянским новообразованием является слово пшеница (в старослав. языке пышеница). Корень этого слова обычно сближают с корнем славянского

глагола пхать (старослав. пхати) "пинать", "толочь", "давить" 11. По-видимому, пшеница в славянских языках получила наименование по признаку обработки, которой она подвергалась для получения муки: ее толкли в ступе.

В славянских языках, как и в балтийских и германских, нет прежнего названия медведя, засвидетельствованного древними индоевропейскими языками (ср., например, греческое ?????, латинск. *ursus*); оно было замещено в этих языках другими различными словами. Славянское название медведя образовано из двух корней (корня слова мед и корня слова есть) и первоначально имело смысл "животное, которое ест мед". Это название медведя заимствовано, по-видимому, из практики охотников, которые по обычаю, связанному со словарным табу и хорошо известному у многих народов, предпочитают изменять названия живых существ. (Возможно, по этой же причине созданы у славян новые названия для других животных, например зайца. А. Мейе считает, что название зайца в славянских языках заменило собой более древнее, индоевропейское; славянское обозначение зайца неясно по происхождению 12.)

Индоевропейские обозначения змеи были вытеснены в славянских языках новыми, образованными или от корня слова земля (старослав. зми), или от корня слова, обозначающего нечто отталкивающее (старослав. гадъ) (в то время как название ужа имеет соответствие в лит. *angis* и латин. *anguis* "змея")². (Тенденция к изменению названий живых существ имеет место и в наше время. Так, для названия змеи в русских местных говорах снова возникают замены. Ср. название худая, отмеченное С. А. Копорским в Осташковском р-не Калининской обл. 13)

Среди названий рыб чисто славянский характер носит название окуня. В нем четко выделяется корень, общий со словом око: эта рыба получила название по признаку своих больших глаз.

Среди представленных в нашем списке названий ремесел в общеславянскую эпоху создано слово гончар (в старослав. языке гръньчаръ), корень которого связан с глаголом гореть (так же, как корень слов горн, горшок).

Таким образом, нет оснований для того, чтобы все совпадающие по современным языкам слова исконного характера проектировать на одну плоскость, т. е. связывать их возникновение с одной определенной эпохой. Разница в продолжительности их существования в языках может исчисляться тысячелетиями.

В нашем списке слов древнего происхождения, употребляющихся во всех современных славянских языках, помещена лишь небольшая часть того значительного по объему словарного слоя, который унаследован от древнейших эпох. Болгарский лингвист проф. И. Леков считает, что, по приблизительным данным, к общему словарному слою славянских языков сейчас относится около 1120 слов. Только в 320 случаях он заметил частичное нарушение этого единства по отдельным языкам или их группам 14. Акад. Т. Лер-Сплавинский подсчитал, что для трех славянских языков - польского, чешского и русского - являются общими почти две трети наиболее употребительного фонда лексики. Путем сопоставления общеславянского лексического запаса, выявленного на основе специальных исследований, со словарем, типичным для современной литературной лексики, он установил, что в польском языке сохранилось более 1700 древнейших славянских слов, т. е. около одной четверти всего активного запаса слов образованного поляка. Около одной десятой части этих слов относится по своему значению к внутренней, духовной жизни человека, тогда как свыше восьми десятых касается внешнего мира и внешней материальной

жизни; остальные слова служат для обозначения грамматических категорий и отношений (местоимения, числительные, союзы, предлоги). В области понятий, относящихся к духовной жизни, польский язык сохранил от праславянской эпохи довольно большой перечень названий, выражающих духовные способности, некоторые понятия из области религии и этики, понятия о жизни человека, о его духовных качествах, пороках и т. д. Значительно более сложную и богатую картину представляет в польском языке древнее лексическое наследие в области выражения внешней и физической жизни человека и его связей с внешним миром. Сюда относится весьма обширный словарь, касающийся мертвой и живой природы, например рельефа местности, ископаемых, водоемов, времен суток и года, погоды и атмосферных осадков, растений, животных, строения тела человека и животных. Много слов относится к семейной, хозяйственной, общественной жизни. Также много определений различных физических свойств людей и животных (имен прилагательных). Ко всем этим смысловым разрядам можно добавить еще названия связанных с ними действий и состояний 15.

Древний лексический слой, входящий в словарь современных славянских языков, является в них базой для образования новых слов: на протяжении всего исторического развития славянских языков основной материал лексического творчества составляли и составляют главные словообразовательные элементы (корни, суффиксы, приставки), доставшиеся этим языкам от праславянской эпохи. Именно из них создаются новые связи и сочетания, ориентирующиеся в основном на словообразовательные типы, унаследованные от старины.

На основе древнего лексического слоя создаются новые сложные слова, включающие несколько корней. Он служит главнейшим источником различных идиом и фразеологических образований, сообщающих каждому славянскому языку заметную своеобразную окраску.

Следует принимать во внимание, что устойчивость древней лексической прослойки в составе современных языков не является абсолютной. Некоторые древние слова, входившие в число важнейших смысловых разрядов, сохранившихся на протяжении истории славянских языков, впоследствии заменяются в отдельных языках другими, идущими из диалектов, просторечия и других источников.

Но несмотря на эти колебания, древнейшая прослойка остается важнейшей опорой словаря каждого из славянских языков. В течение многих веков и вплоть до нашего времени она служит в каждом из языков главной основой обогащения и развития их словарного состава.

* *

*

Расселяясь по обширным пространствам Восточной Европы, славяне утрачивали непосредственную связь друг с другом, что должно было повлечь за собой ослабление, а затем и разрыв общности в их развитии. Первые упоминания о существовании обособленных групп - сведения о делении славян на склавинов и антов, принадлежащие готскому историку Иордану и византийскому историку Прокопию Кесарийскому, относятся к VI в. н. э. По этим данным территорией обширного племенного союза антов являлось Поднепровье и среднее Поднепрорье, а территорией союза склавинов - земли на запад от Днестра.

Надо иметь в виду, что славянские народности и нации более позднего времени не являются непосредственными продолжателями и наследниками указанных определенных

группировок или частей древнего славянского мира, ибо на протяжении истории возникали новые перегруппировки древних племен. Раскалывается восточный массив: его южная часть, предки балканских славян, перемещаются к югу и постепенно занимают Балканский полуостров, тогда как остальные передвигаются, по-видимому, несколько на запад. Этот процесс явился, вероятно, результатом вторжения кочевых тюрко-татарских народов, сначала гуннов, а затем аваров и др., которые начиная с середины IV в. вклинивались со стороны черноморских степей в славянские поселения, оттесняя одни племена первоначальной восточной группы через Карпаты на юг, к Дунаю, а другие - на запад, в направлении Волыни, где, они вступили в тесное соприкосновение с западными славянами. Вскоре после этого произошла перемена и в составе древней западной группы: от нее откололись и продвинулись на юг юго-западные племена, предки будущих чехов и словаков. В Закарпатье и по Дунаю они достигли поселений южных славян, отражением чего было появление некоторых языковых особенностей, связывающих чешский и словацкий языки с южнославянскими и отличающих их от польского. Однако эти временные связи вскоре ослабели вследствие проникновения на Средне-Дунайскую низменность аваров, которые в VI в. создали там могущественное государство, и окончательно прервались, когда место аваров на Средне-Дунайской низменности заняли мадьяры (венгры), осевшие там в начале X в. н. э.

Восточный массив прежней северной группы - предки восточно-славянских племен - отделяется от западной группы. В нем вырабатываются свои языковые черты.

В VII-IX вв. происходит формирование славянских народностей: древнерусской, древнепольской, древнечешской, древнеболгарской, древнесербской. В состав древнерусской народности, занимавшей области Киевской Руси, входили предки русских (великорусов), украинцев, белорусов.

Процесс образования славянских народностей был сложным; его нельзя представлять себе в виде простого дробления первоначальной славянской племенной общности на народности. Например, древнерусская народность, оформившаяся в X-XI вв., в дальнейшем, в XIV-XV вв., становится базой трех новых восточнославянских народностей: русской (великорусской), украинской и белорусской.

* *

*

В результате развития одинакового исходного материала - древнейшей словарной прослойки - в разных славянских языках возникли различные лексические системы, скрепленные общностью происхождения их опорных элементов: морфем и целых слов.

Нет сомнения в том, что некоторое количество слов древнего происхождения неизменно выпадало из обращения. Выпадение слова из обращения объясняется постепенным сокращением его употребления, вызванным изменениями системы языка в целом в связи с изменениями в общественной практике и всей истории народа.

В древних славянских языках было больше общих слов славянского происхождения, чем в современных языках. Возможность зарегистрировать исчезновение того или иного слова представляется исследователю уже в том случае, если он обращается к лексическим фактам, отраженным в письменности. В древнерусском языке XI в. отмечено слово *орь* в значении "крестьянская рабочая лошадь". Как свидетельствуют памятники письменности, это слово употреблялось также в древнечешском и старопольском языках, хотя в несколько ином звуковом облике: *hor*, *horz*, *horsz*. По этим отдельным свидетельствам древних текстов

можно судить о том, что слово было известно на большой территории распространения славянских языков. В наше время это слово почти вышло из обихода. Его можно наблюдать лишь в узком употреблении - в поэтической речи в чешском языке, где *or* значит "конь". Оно встречается в некоторых диалектах русского языка (в виде *орь*, *оря* "конь", "лошадь"), в украинских говорах (в виде *вірь*, *вурь*).

Известны и такие примеры из истории славянских языков, когда слова, употреблявшиеся ранее на обширных территориях, исчезают впоследствии в одних языках, но сохраняются в других. Язык древнерусских летописей и деловой письменности, отдаленный от современности периодом не более девяти столетий, оказывается иногда ближе по словарю к некоторым современным славянским языкам, чем к современному русскому языку. Так, в древнерусских текстах встречается слово *борошно* или *брашно* в значении "пища из мучных продуктов" или вообще "пища". Современный русский литературный язык этого слова не знает. Однако слово *брашно* до сих пор употребляется в болгарском и сербохорватском языках, а *борошно* - в украинском в значении "мука".

Ср. также древнерусское слово *нети* "племянник", не оставившее следов в современном русском языке, и сербохорватское *нећак* "сын сестры", словацкое *peteg*, чешское *peteg* "племянница". Древнерусское *кра* "льдина" сохранилось лишь в некоторых русских диалектах, но хорошо известно польскому, где *kra* "льдина", чешскому, где *kra* "глыба льда", "льдина". В древнерусском языке встречается слово *съвада* "ссора", которое позднее вышло в нем из употребления. Параллели для него есть в современном чешском, где *svada* также значит "ссора", в современном болгарском, где *свада* - "ссора", "распря". Древнерусскому *скора* "шкура", "мех" (отсюда современное русское *скорняк*) - соответствует *skoга* в современном польском языке, *skoга* "шкура" в кашубском языке. Древнерусское *прати* "мыть, стирать" (отсюда современное литературное *прачечная*, смоленское областное *праник*, *пральник* "валек для стирки белья") имеет соответствия в современном пол. *pras* "стирать", "мыть", чеш. *prati*, сербохорв. *прати*, болг. *пера* "стирать". Древнерусскому *тети* "бить", исчезнувшему во всех восточнославянских языках, соответствуют словен. *tepsti*, *tarati* "бить", наказывать", болг. *тепам* "валять сукно", "бить, колотить", "избивать".

Знание современных славянских языков помогает правильному пониманию древних текстов. В начальной русской летописи, Повести временных лет, под 946 годом помещен полулегендарный рассказ о том, как киевская княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство своего мужа. Она взяла у жителей древлянского города дань живыми птицами - голубями и воробьями, затем приказала привязать к каждой птице *црь* (в других списках летописи *чрь*) и пустить птиц в город, чтобы его поджечь. Из текста видно, что слово *црь* (*чрь*) обозначает какое-то горючее вещество или материал. Подлинное значение этого слова, уже неизвестного в русском языке, определилось лишь тогда, когда было обращено внимание на словарь современного белорусского языка в котором слова *цэрь* и *цэра* употребляются сейчас со значением "трут", и на словарные данные закарпатских говоров украинского языка, где отмечено слово *черь* в этом же значении. Таким образом выяснилось, что Ольга приказала своим воинам привязывать к птицам легкий и сухой *трут*, который хорошо и в то же время медленно горит 17.

Итак, часть слов древнего славянского происхождения выходит постепенно из употребления по всем языкам, другая часть прочно "оседает" в некоторых отдельных языках или группах языков. Современные славянские языки отражают картину сложного переплетения их взаимных связей в области словаря.

Проф. Н. Н. Дурново заметил, что наряду с типично восточнославянскими словами, для которых нельзя найти совпадений в иных языках, кроме русского, украинского, и белорусского (например, имена числительные сорок и девяносто, имена существительные белка, ковш, колокол, селезень, скатерть, шелк, прилагательные дешевый, хороший и т. д.), восточнославянские языки располагают, кроме того, лексикой, характерной и для них, и для какой-нибудь другой группы славянских языков или одного славянского языка. Н. Н. Дурново указывает, что слово ждать сближает восточнославянские языки с кашубским языком, зеркало - со словацким и диалектами словенского языка, лошадь - с диалектами польского языка. Слова бор ("сосновый лес"), баран, брюхо, кресло, пирог, пыль, ремесло известны восточнославянским и западнославянским языкам, но неизвестны южнославянским. Слова борть "улей в дупле", веревя, весна, гриб, деготь, сосна, хвост известны восточнославянским языкам, западнославянским и словенскому, но неизвестны сербохорватскому и болгарскому. Слова каравай, пир, птица, смотреть, соты известны восточнославянским и южнославянским языкам, но неизвестны западнославянским 18. Слово собака известно, кроме восточнославянских языков, польскому и кашубскому 19.

Возможно, что в неравномерном распространении некоторых из этих слов отражаются не только древние группировки и перегруппировки славянских племен и народностей, но и разница в сроках существования слов в языках.

* *

*

В языках оформлявшихся славянских народностей происходило дальнейшее развитие словарного запаса, унаследованного от эпохи единства. Это был сложный процесс, включавший в себя противоположные тенденции. С одной стороны, в истории языков замечается сохранение старинного фонда лексики, с другой расширение и углубление различий между отдельными языками в области словаря.

В условиях самостоятельного существования славянских языков их древний словарный слой сильно изменился. Переменам, часто довольно глубоким, подвергался звуковой состав слов. Происходил разрыв прежних связей слов с другими словами и образование новых связей и новых контекстов употребления слов. Изменялись значения слов. Происходили колебания в степени употребительности тех или иных слов. Изменялась их стилистическая окраска, их эмоциональная насыщенность. Появлялись различные замены, которые вытесняли прежние слова. Вместе с ростом словаря происходило качественное обогащение лексики. Все эти процессы протекали по-своему в каждом из славянских языков.

Ниже мы рассматриваем некоторые процессы в области словаря в кратком и самом общем виде.

* *

*

Очень древними местными изменениями были отразившиеся в словаре звуковые изменения, протекавшие в каждой языковой группе и впоследствии в каждом отдельном языке собственными путями.

Слова, сделавшие общий для всего славянского мира путь развития из индоевропейских источников, закрепившиеся в праславянском языке в особом, чисто славянском звуковом оформлении, снова подвергались изменениям, которые на этот раз приводили к различным результатам.

Явления в области звуков изменили первоначальный облик праславянских слов, которые

стали произноситься различно в зависимости от того, в каком языке они бытовали. Дальнейшие углубления различий привели к тому, что в современных славянских языках некоторые древние слова сильно различаются по звучанию, а иногда общий древний звуковой комплекс в них едва проступает.

Звуковые различия в одинаковых по своим истокам словах бросаются в глаза уже в приведенных выше лексических материалах праславянского происхождения. Иллюстрируя общеславянский характер различных смысловых групп словаря, мы обращались к соответствующим словам современных славянских языков; при этом слова, возводимые к одному и тому же источнику, оказывались иногда представленными по отдельным языкам в разных звуковых "оболочках". Например, слово, звучавшее в старославянском (и, по-видимому, в праславянском) как *льнь*, в русском произносится *лён*, в сербском *лан*; ср. также старослав. *ддъ*, рус. *дед*, укр. *дід*, белорус. *дзед*, пол. *dziad*, болг. *дядо*; рус. *солнце*, болг. *слънце*, сербохорв. *сунце*, чеш. *slunce*, словац. *slnce*, пол. *slonce*. Другие примеры: рус. *соль*, сербохорв. *со*, болг. *сол*, чеш. *sul*, нижнелуж. *sel*, пол. *sol*; рус. *утро*, сербохорв. *јутро*, чеш. *jitro*, каш. *vitro*; старослав. *вель* (от глагола *вести*), рус. *вел*, чеш. *vedl*, пол. *wiodl*, сербохорв. *вео* и т. д.

* *

*

Важнейшим элементом структуры слова является его смысловая, сторона. Она, так же как и внешняя, звуковая сторона слова, представляет собой один из объектов исследования в языкознании.

Как уже указывалось, значения слов подвержены изменениям; первоначальное значение слова и его более позднее осмысление могут совпадать только отчасти или совсем не совпадать.

При передаче слова от поколения к поколению судьба его складывается по-разному в каждом из родственных языков, и поэтому исторические изменения генетически тождественных слов часто имеют в языках разный характер.

Изменения значений слов зависят в основном от двух взаимно пересекающихся причин: во-первых, от взаимосвязи процессов развития языка с историей народа и, во-вторых, от особенностей специфики того языка, в котором слово функционирует в тесной связи с другими словами этого языка.

Наличие у слова многочисленной, разветвленной системы значений является тем фактом языка, который делает возможным историческое изменение семантики слов. Новое значение, воспринятое словом, обычно существует как вторичное при предшествующем употреблении слова.

"Логическое значение слова окружено особой эмоциональной атмосферой, его проникающей и придающей ему в зависимости от употребления в том или ином контексте ту или иную временную окраску", - заметил Ж. Вандриес 20.

Изменение семантики происходит первоначально в отдельных актах речи, отдельных предложениях. Образовавшееся временное значение слова или исчезает впоследствии, или переносится в другие предложения, пока новое значение не станет обычным и общепринятым в определенной среде говорящих. В последнем случае временное значение становится устойчивым побочным значением слова, которое может сместить смысловой центр слова и стать самостоятельным центром смыслового развития. При таком развитии смысла образуется цепь значений, каждое из звеньев которой последовательно является

опорой для возникновения дальнейшего, качественно нового значения. В истории языка иногда удается обнаружить все звенья семантической цепи и проследить все способы и приемы включения одного значения в другое. В других же случаях результаты смыслового развития предстают перед исследователем в разорванном виде, когда промежуточные звенья или исходное звено утрачены и значения сильно удалены друг от друга. Изредка одно и то же слово может быть засвидетельствовано в истории языка в двух противоположных значениях: в этих случаях выпали и исчезли из памяти говорящих все посредствующие звенья или ступени смыслового развития,

В условиях обособленного существования славянских языков значения слов древнего лексического фонда развивались в самостоятельных направлениях. Присоединение одного значения к другому и их сцепление в зависимости от местных форм развития общественной жизни и сознания, от особенностей системы языка осуществлялось своеобразными путями, темпы развития смысловой стороны разных слов были неоднородными. Все это создавало разницу в результатах смыслового развития одних и тех же исходных значений слов по славянским языкам.

Так, например, слово *пасека* в диалектах русского языка иногда встречается в значении "часть леса, предназначенная на сруб". Первоначально это слово в славянских языках, по-видимому, значило "участок, вырубленный в лесу" (в этом значении еще чувствуется смысловая связь с глаголом *сечь*). В дальнейшем в русском языке слово *пасека* получило значение "пчельник на вырубленном в лесу участке", затем вообще "пчельник". В чешском языке слово *raseka* сохранилось в своем первоначальном значении - "просека", "вырубка" 21.

Слово *неделя* обозначало первоначально свободный от дел день недели, затем значение слова перешло на период между двумя свободными днями (двумя воскресеньями). Если польский язык сохранил первое из этих значений (ср. *niedziela* "воскресенье"), то в чешском известны оба значения (*pedele* "воскресенье" и "неделя"), а в русском языке - второе значение, т. е. "семь дней".

Отличия по отдельным языкам в значениях одинаково звучащих слов или слов, возводимых к общему древнейшему звуковому составу (генетически тождественных), можно проследить уже на материалах наиболее древних текстов, отразивших славянские языки: текстов старославянского языка, с одной стороны, и русского литературного языка древнейшего периода - с другой. Расхождения значений здесь еще не выглядят очень резкими. Их существование воспринимается как результат различного развития древнего единого главного, стержневого значения, вокруг которого как бы группируются добавочные значения, впоследствии расходящиеся по языкам. Эти "подзначения", очень изменчивые и подвижные, были бы немислимы без центрального и устойчивого значения слова, из которого они развивались.

В лексике, относящейся к земледелию, обращает на себя внимание неполное совпадение в древнерусском и старославянском языках смысловых оттенков слов *зерно* (древнерус. *зърно*, старослав. *зръно*, *зръно*). Если в древнерусских текстах, начиная уже с самых древних, это слово имеет значение "семя растений, особенно злаковых", а также "маленькая частица твердого вещества, видом напоминающая зерно", то в старославянских, возникших на основе болгарско-македонского диалекта, наряду с указанными наблюдается и другое, которое может быть передано словом *ягода* (главным образом винограда). Интересно отметить, что слово *зърно* в этом значении существует до сих пор в болгарском языке, что свидетельствуется некоторыми словарями. Наряду с этим в болгарском слово *зърно* имеет и

такое значение, которое совпадает с современным русским.

Не вполне совпадает по системе своих значений в древнерусских и старославянских памятниках слово сад. В русских древнейших летописях садъ значит "участок земли, засаженный деревьями или кустами". Между тем в текстах южнославянского происхождения наряду с указанным можно встретить и другое значение этого слова - "посаженное плодовое дерево" (в современном словенском языке встречается еще одно особое значение этого слова: словен. sad значит "плод"). Существование особых смысловых оттенков одного и того же слова по языкам рано обнаруживается и в области имен прилагательных. Так, имя прилагательное гордый в русском языке издавна имеет значение "исполненный гордости, чувства собственного достоинства", "величавый", "высокомерный", "важный". В ранних южнославянских текстах наряду со значением, совпадающим с указанным русским, есть и другое - "страшный", "ужасный" и "удивительный". Это имя прилагательное в некоторых старославянских памятниках входит в такие необычные для русского языка сочетания слов, как гордое чудо, гордый запах, гордый шум.

Подобные факты есть и в современных славянских языках. Так, в польском языке имя существительное brzeg, соответствующее по звуковому составу русскому берег, обозначает не только берег реки, но и опушку леса, борт судна, край, кайму. Польское pień значит не только "пень", но и "ствол дерева", "обрубок". Имя прилагательное prosty значит в польском "простой" и "прямой". Болгарское имя прилагательное скъп значит не только "скупой", но и "дорогой". Пол. szczupły, так же как и рус. щуплый, значит "худой", "худощавый", но, кроме того, еще "тесный", "узкий", "скудный"; чеш. ostru значит не только "острый", но и "резкий" и "яркий" (например, ostrá barva - "яркий цвет"); пол. ostru "острый" и "резкий", "суровый" (напр. ostrá zima - "суровая зима").

Во всех примерах, сообщенных выше, имеет место неполное расхождение значений: древнее, исходное значение еще существует в разных языках, но оттенки его уже различаются между собой.

Но есть и такие примеры, когда оттенки значений одного и того же слова, образовавшиеся по языкам, не скрепляются наличием общего для этих языков объединяющего значения слова. Уже в ранних текстах славянских языков можно заметить существование семантических оттенков слов при утрате общего значения, ранее их объединявшего.

Если старослав. годъ значит "пора", "неопределенный по длительности отрезок времени", то в древнерусском языке годъ - "двенадцать месяцев". Слово смия в старославянском языке значило "челядь", "рабы", "домочадцы". В древнерусских книгах, начиная от произведений Кирилла Туровского (XII в.), слово семья, семья значит "семейство", "родственники". Кроме того, в русских текстах XVI-XVII вв. слово семья значит "единомышленники", "сговорившиеся друзья и родственники", а также употребляется и в новом, переносном значении "жена" 22. Имя прилагательное дряхлый в русском языке издавна значит "старый", "ветхий". В старославянском это слово значило "унылый", "печальный".

И в современных славянских языках можно обнаружить ряд слов с разными значениями, позволяющими предположить существование у них общего смыслового источника. Так, в сербохорватском языке под - "пол в комнате", тогда как в русском подом называется кирпичная гладкая выстилка внутри печи, где кладутся дрова (в древнерусском языке отмечено еще одно значение этого слова - подъ горы "подошва горы"). Можно полагать, что

эти значения были некогда объединены общим - "нижняя часть, основание чего-либо" 23. Болг. утроба, значит не "внутренности", а "живот", нижнелуж. wutsoba "сердце", пол. watroba "печень"; чеш. jíł значит "глина", а не "ил", как можно было бы ожидать, исходя из русского значения этого слова; чеш. sen значит "сновидение", что отличает его от русского сон с более широким значением. Слово лоза в русском языке значит "прут", "побег кустарниковых растений", в болгарском - "виноградная лоза" и "виноград" (растение), в словенском loza - "виноградная лоза", "роща", "лес", в польском loza, lozina - "ива", "ивовый прут". Болг. зеле, словен. zelje, чеш. zeli имеют значение "капуста", а в древнерусском языке и современных русских диалектах зелье - "трава", в польском ziele - "трава", в сербохорватском зеле - "зелень". Пол. suknia белорус. сукня значат "платье", чеш. sukne, словацк. sukna, сербохорв. сукна - "юбка". Болг. коса и сербохорв. коса имеют значение "волосы на голове", а не "вид женской прически", как в русском языке. Болг. гръб значит "спина", ср. рус. горб с другим значением (в диалектах, впрочем, может быть и в значении "спина"). Словен. bog значит "сосна", а не "сосновый лес", как в русском языке; kvas - не "напиток", а "закваска", "дрожжи"; juzina обозначает не "ужин", а "обед"; глагол kuriti "топить, жечь дрова", а не "курить", слово zaba соответствует рус. "лягушка", слово hudi (ср. русское худой) значит "злой", "сердитый", имя прилагательное rumeni (ср. рус. румяный) значит "желтый" (лишь по словенским диалектам "красный"). Пол. grob, словен. grob значат не "гроб", а "могила", сербохорв. блато и чеш. blato значат не "болото", а "грязь", чеш. huba не "губа", а "рот", get - не "рот", а "губа", brada - не "борода", а "подбородок", vous не "ус", а "волос в бороде"; болг. стряха и чеш. strecha значат "крыша", в то время как рус. стреха - "свисающая часть крыши", болг. крут значит "острый" (на вкус), "внезапный", "смелый", пресен значит не "пресный", а "свежий" (например, пресни домати "свежие помидоры"), пол. gruby значит "толстый", "плотный", а не "грубый", как в русском языке (ср. и чеш. hruby "грубый", "толстый", "крупный"), tegi значит не "тугой", а "сильный", "крепкий"; чешский глагол ryti отличается от русского рыть более узким и специальным значением: он значит "вырезать", "гравировать". Болг. грозен в отличие от рус. грозный значит "безобразный".

При переводе со славянских языков на русский иногда возникают условия, при которых русский язык напоминает, подсказывает смысл иноязычного слова, несмотря на некоторые различия в значениях. Например, когда мы читаем польское ładna dziewczyna, в памяти всплывает русское просторечное имя прилагательное ладный "хороший", "красивый", что позволяет предположительно перевести польское словосочетание русским красивая девушка. Однако для точного перевода хорошего знания лексики родного языка и языкового чутья явно недостаточно. Расхождения в значениях некоторых слов достигают иногда большой глубины, так что старая связь их и характер исходного значения перестают ощущаться. Например, гора в отличие от русского языка в болгарском значит "лес", болг. стол значит "стул" в отличие от рус. стол (в древнерусском столь - "кресло", "трон", так же как и в древнеболгарском; затем произошло постепенное изменение значений и в том и в другом языке). Слово рот, которое, как отмечено выше, в русском и чешском языках имеет довольно близкие значения, в болгарском, сербохорватском и словенском языках не имеет с русским и чешским значениями ничего общего: ср. словен. rt "возвышение", сербохорв. рт "вершина, мыс", болг. рът "холм", "возвышенность". Если рус. пресный и болг. пресен близки по значению, то чеш. přesnu и словацк. presnu приобрели совершенно особый смысл: "точный", "пунктуальный", "аккуратный", "исправный" (ср., например, словацк. presna odpoved "точный ответ").

Чеш. *krasny* в отличие от рус. *красный* значит "красивый", "пригожий", "прекрасный" (таким же было значение слова *красный* в древнерусском языке). Польское имя прилагательное *guchly* и чешское *guchly* значат "скорый", "быстрый", "поспешный", а русское *рыхлый* - "мягкий", "непрочный". Чешское имя прилагательное *nahly* (ср. рус. *наглый*) значит "быстрый". Ср. также сербохорв. *нагао* "быстрый", пол. *pagly* "неожиданный", "внезапный", "нечаянный", "поспешный", укр. *наглий* "скорый", "быстрый", "внезапный", "неожиданный". (Ср. употребление слова *наглый* в повести А. П. Чехова "Степь" в речи старого возчика: "Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, без покаяния не помереть. Нет пуще лиха, как наглая смерть. Наглая-то смерть бесу радость". Здесь *наглая* значит "неожиданная".)

Словацкое имя прилагательное *chytry*, соответствующее по звуковому составу русскому *хитрый*, значит "хитрый", "неглупый", а также "быстрый": выражение *ako vietor chytry* значит "быстрый как ветер". Ср. также сербохорв. *хитар* "быстрый", словен. *hitri* "быстрый". Словацкое, сербохорватское и словенское значения этого слова более старые, чем русское значение: имя прилагательное *хитрый* имеет общий корень с *хищный*, *похищать*, *хватать*; первоначально им обозначали признак быстроты, проворства, ловкости. Рус. *уйма* значит "множество", словац. *ujma* - "утрата", "убыток". Рус. *туча* - "большое темное облако, грозящее дождем, градом или снегом", укр. *туча* - "гроза с дождем", сербохорв. *туча* "град", пол. *tesza* - "радуга".

Как уже указывалось, в истории отдельных языков известны случаи постепенного образования значений слов, противоположных первоначальным. Действительно, изредка слова с одинаковым составом генетически тождественных морфем обнаруживаются в разных языках с противоположными или очень далекими друг от друга значениями. Ср., например, болг. *пастрок* "отчим" и чеш. *pastorek*, словац. *pastorok*, словен. *pastorek*, сербохорв. *пасторак* "пасынок". Русское слово *черствый* чех или словак могут понять как "свежий": ср. чеш. *cerstvy* "свежий", "чистый", "скорый", "проворный", словац. *cerstvy* "свежий", "живой" 24.

На примерах нескольких групп слов древнейшего происхождения выше показаны разные пределы развития значений: от образования разных оттенков при сохранении основного значения до возникновения межъязыковой омонимии, т. е. такой глубокой разницы в значениях сопоставляемых слов общего происхождения, при которой их прежняя связь становится окончательно утраченной. Вторичные значения, возникающие у слов, или долго существуют на положении побочных оттенков (например, *зърно* в значении "ягода" в болгарском языке), или укрепляются и вытесняют исходное значение (например, *гора* в значении "лес" в болгарском языке, *пасека* "пчельник" в русском языке).

Слово в своем особом значении, органически утвердившемся на почве того или иного славянского языка, попадая по разным причинам в другие славянские языки, ощущается в них как нечто внесенное извне, как заимствование. Так, слово *живот*, встречающееся в некоторых фразеологических сочетаниях русского языка в его старославянском (церковнославянском) значении "жизнь", воспринимается нами как чужое, несмотря на явный славянский характер его внешней (звуковой) стороны, которая повторяется в русском слове *живот* с его иным, конкретным значением.

По отдельным славянским языкам особые случаи различного осмысления слов с одинаковым составом генетически тождественных морфем возникают в результате некоторых грамматических процессов, например субстантивирования (с дальнейшим

изменением лексического значения субстантивированного слова). Так, болгарское сладко "варенье" русский может принять за краткое имя прилагательное среднего рода, а русское детская в значении "детская комната" чех может понять как имя прилагательное женского рода (в чешском языке значение "детская" выражается описательно: rokoí pro detí).

* *

*

Сравнивая словарь одного и того же языка в две отделенные друг от друга эпохи мы замечаем, что судьба разных слов различна. Одни слова сохраняются в языке, изменяясь иногда в своем звуковом составе и по значению; другие слова заменяются новыми, по-иному обозначающими то или иное понятие, более энергичными, свежими и выразительными, чем прежние, и постепенно совсем уходят из языка или "оседают" в диалектах или специальных словарях. С течением времени названия одинаковых явлений или предметов оказываются в родственных языках различными. В масштабе славянских языков возникают слова-синонимы, если можно применить этот термин к явлениям в области словаря разных языков.

Некоторая часть межъязыковых славянских синонимов идет еще из праславянского языка, другие возникли позже или совсем недавно.

Рассмотрим возникновение некоторых из них.

В большинстве славянских языков для обозначения сладкого вкуса употребляются имена прилагательные с одним и тем же корнем: ср. рус. сладкий, укр. солодкий, белорус. салодкі, болг. сладък, сербохорв. сладак, словен. slad, чеш. sladky, словацк. sladky, нижнелуж. slodki, пол. slodki. Но в кашубском языке признак сладкого вкуса обозначается словом mjodny, образованным от mjod "мед".

Для обозначения дождя в славянских языках обычно употребляется один и тот же корень с некоторыми звуковыми различиями: ср. рус. дождь, болг. дъжд, словен. dez, чеш. dest; словацк. dazd, пол. deszcz, верхнелуж. desc, нижнелуж. dejsc. Но в сербохорватском в значении "дождь" встречаем слово киша, имеющее тот же самый корень, что и рус. кислый (ср. и болг. киша "ненастье", "дождливая погода", "слякоть"). Из этих примеров видно, что в истории того или иного языка происходила замена прежних слов другими (при полном сохранении прежнего значения), что и вызывало разницу в обозначении одного и того же понятия по языкам. Образование таких синонимов происходило и в эпоху после появления памятников письменности. Постепенное закрепление их в языке можно проследить по текстам. Праславянское слово око сохраняется в своем основном значении органа зрения в болгарском, словенском, сербохорватском, польском, чешском, украинском, белорусском языках. В современном русском языке для названия органа зрения употребляется слово глаз. Однако, как показывают тексты, древнерусский литературный язык до XVI в. пользовался праславянским словом око, и лишь позднее в нем постепенно утвердилось почерпнутое из просторечия слово, первоначально употреблявшееся, вероятно, в переносном значении (ср. пол. glaz "камень", glazik "камень", "гольш"). Так возникла новая черта словаря русского языка и вместе с тем одна из словарных особенностей, отделивших русский язык от других славянских.

В русском языке слово палец употребляется как родовое обобщенное название для всех пальцев рук и ног. Некоторые славянские языки знают это слово в том же значении. Но в сербохорватском языке общим названием для пальцев является слово прст (ср. древнерус. пьрст), а пальцем (палац) называется только большой палец. В болгарском пръст - "палец", а палец (или голям пръст) - "большой палец". Словен. prst - "палец вообще", но palec -

"большой палец (руки или ноги)". Такое же, как в сербохорватском, болгарском и словенском, соотношение наименований было в русском языке приблизительно до XVII в., как можно судить по текстам. (Старое название, применявшееся исключительно к большому пальцу, отразилось и в русских производных словах, ныне исчезнувших. Существовало, например, слово напалок "кольцо, надеваемое на большой палец руки".)

Затем произошел постепенный переход названия большого пальца (палец) на все пальцы рук и ног. Следы слова перст остались в русском языке в производных, например перстень, наперсток, перчатка (в диалектах перстятка, перстянка, першлятка и другие формы). Новая лексическая черта сблизила русский язык с польским, украинским, но отделила от сербохорватского, болгарского, словенского 25.

Слово плечо в русском языке постепенно вытеснило из употребления слово рамо, отголоски древнего существования которого встречаются в русских говорах в виде производных (например, рамено "часть передней конской ноги", раменка "оплечье, часть одежды, покрывающая плечо" и др.). В современных славянских языках для обозначения плеча известны оба эти слова с их производными, но в большинстве случаев более жизненным оказалось рамо, плечо же используется реже. Слово череп в русском языке вытеснило старое льбь, употреблявшееся некогда с тем же значением. Лоб стало в русском названием лишь верхней части лица. Эта особенность сблизила русский язык с польским, но создала отличие между русским, словенским, чешским, словацким (ср. словен. *leb*, чеш. *leb*, словац. *lebka* в значении "череп") 26.

Важно отметить, что при образовании замен уже существовавших слов использовалась в большинстве случаев лексика славянская. Иноязычные слова чаще входят в язык вместе с новыми понятиями.

Из нескольких слов с близкими значениями, унаследованных от древних времен, разные славянские языки избирают и закрепляют для передачи необходимого понятия не всегда одно и то же слово. Так, русскому языку известны имена прилагательные холодный и студень, но слово холодный является в русском языке общепринятым, широко употребительным, имеющим большую, разветвленную систему оттенков значений, в то время как студень встречается лишь в поэтическом языке, устном народном творчестве и диалектах. Иная картина в болгарском языке, где для выражения понятия "холодный" обычно используется имя прилагательное студен.

Русскому слову мир "отсутствие войны" в польском языке соответствует рокој, которое по составу звуков и происхождению может быть связано с русским покой. Польскому языку известно и слово *mir*, но в значениях "покой", "спокойствие". На этих примерах можно видеть, что в разных языках одинаковые для них устойчивые понятия связываются с разными словами из ряда внутриязыковых синонимов, т. е. слов, объединенных близостью их значений.

При возникновении новых слов для наименования одного и того же понятия в основу слов в разных языках могут быть положены разные признаки. Так, для названия белья некоторые славянские языки использовали признак белого цвета, который служит приметной чертой внешнего вида предмета: ср. рус. белье, пол. *bielizna*, словац. *bielizen*, нижнелуж. *belizn*. В других языках в основу названия белья положен корень глагола рубить (ср. рус. подрубить "подшивать край платка, одежды"), этот корень мы встречаем в сербохорв. рубле, рубиште (того же корня русское слово рубаха, белорус. руб "толстая одежда", словен. *rovasa* "рубашка", болг. руба (обл.) "одежда", нижнелуж. *rub* "платье",

верхнелуж. rub "полотняный платок"). Наконец, название белья может быть произведено от глагола со значением "стирать": ср. чеш. pradlo "белье", образованное от корня глагола prati.

Замена одного слова другим, укрепление в употреблении одного слова из синонимического ряда и ослабление других, использование разных корней при образовании того или иного обозначения по славянским языкам - все это приводит к образованию многочисленных словарных различий, сообщающих славянским языкам своеобразные черты.

Ср., например, следующие обозначения для одинаковых понятий по нескольким языкам: рус. утро, пол. raпо, словац. raпо; рус. воздух, укр. повітря, пол. powietrze; рус. молния, болг. мълния и светкавица, укр. блискавка, пол. blyskawica; рус. луч, болг. лъч, укр. промінь, пол. promien; рус. облако, болг. облак, белорус. воблака, хмара, укр. хмара, пол. chmura; рус. волна, болг. вълна, чеш. vlna, словац. vlna, укр. хвиля, белорус. хваля, пол. fala, wal, сербохорв. вал; рус. весна, белорус. вясна, словен. vesna, пол. wiosna, jar, jarz, чеш. jaro, словац. vesna, jar, jaro, болг. пролет, сербохорв. пролеће, jar; рус. осень, укр. осінь, болг. есен, пол. jesien, каш. jesen, сербохорв. јесен, словен. jesen, словац. jesen, podzim, чеш. podzim; рус. год, белорус. год, болг. година, сербохорв. година, словен. лето, рок, укр. рік, пол. rok, чеш. rok, словац. rok; рус. неделя, укр. тиждень, неділя, белорус. тыдзень, пол. tydzien, чеш. tyden, словац. tyzden, болг. седмица, неделя, сербохорв. недела, седмица, словен. nedelja, teden; рус. змея, укр. змія, болг. гад, гадина, сербохорв. гад, пол. gadzina, gad, plaz, чеш. had, plaz, zmije; рус. белка, укр. білка, вивірка, белорус. вавёрка, пол. wiewiorka, чеш. veverka, сербохорв. веверица, словен. veverica, болг. катеричка, белка; рус. серый, белорус. шэры, пол. szary, чеш. sedy, sedivy, болг. сив, словен. siv, сербохорв. сив; рус. красный, укр. красный, червоний, белорус. чырвоны, пол. czerwony, чеш. cerveny, rudy, сербохорв. црвен, словен. rudec, crven; рус. голубой, белорус. блакітны, болг. небесносин, словен. modry, чеш. lazurovy, пол. blekitny

27.

* *

*

Важным фактором, способствовавшим обособлению славянских языков или групп языков, была разница в конкретных формах и проявлениях обогащения их словарного состава. История славянских народностей и национальностей сопровождалась усложнением их общественного строя и развитием материальной и духовной культуры. От родового и племенного быта славяне переходят к образованию классов и к возникновению государств. Растут и расцветают города.

Языковые возможности, унаследованные от предшествующих эпох, становятся недостаточными. Рост и развитие языка находят свое выражение прежде всего в лексике. Появляется потребность в новых словах. Расширение объема словарного запаса обеспечивается отчасти путем заимствований из других языков, но главным образом путем самостоятельного использования унаследованных от древних эпох корней, а также суффиксов и префиксов (приставок), т. е. путем преобразования своих наличных словообразовательных элементов.

Внешние влияния в области лексики, проявляющиеся в процессе заимствования, так же, как и различие в путях внутренней эволюции, модифицируют и изменяют языки.

Что касается заимствований, то они были первоначально устными и шли из языков тех культурных областей, с которыми славяне имели территориальную близость. В славянские языки Запада проникали заимствования из латинского и немецкого языков. Особенно много немецких заимствований в лужицких языках: ср. bug ("крестьянин", нем. Bauer), butra

("масло", нем. Butter), neġluka ("несчастье", нем. Unglück), bom ("дерево", нем. Baum), stunda ("час", нем. Stunde) и др. В славянские языки Балканского полуострова проникали заимствования из греческого и турецкого. Например, болг. колиба, "шалаш", "хижина", молив "карандаш", корем "живот", кокал "кость", харесвам "нравиться" и другие - греческого происхождения, а слова черга "грубое шерстяное одеяло или ковер", чешма "источник", калфа "подмастерье", зарзават "зелень", "свежие овощи", куршум "пуля", чувал "мешок", "куль", торба, "торба", "сума" и другие - турецкого. В словенский язык проникали, кроме того, заимствования из немецкого и отчасти итальянского (например, bandera "знамя", barka "лодка" и некоторые другие). Наиболее ранними заимствованиями в русском языке были слова из языков скандинавских (например, ябеда, ларь, крюк, клеймо и другие), финских (пурга, тундра и другие), тюркских (башмак, кафтан, сундук, кисет и другие). После возникновения письменности и установления широкого культурного обмена между народами процесс заимствования иноязычных элементов выходит за рамки территориальной близости, и приток заимствованных слов увеличивается. Так, в первые века русской письменности в основном через южнославянское посредство в русский язык переносилась греческая лексика, главным образом из сферы церковно-богослужебной: алтарь, ангел, икона, келья, монах и т. п. Заметное влияние оказал на русский язык и латинский, лексика которого проникала к нам не только непосредственно, но и через другие языки (ср., например, слова автор, студент, министр, экзамен и т. д.). С конца XVI до середины XVII в. на русский язык довольно значительное влияние оказывал польский язык (ср. слова вензель, сбруя, писарь, урядник и др.). С Петровской эпохи в силу исторических условий русский язык пополнился словами из немецкого, голландского, французского и английского языков. Особенно много французских слов из области быта и домашнего обихода появилось в русском языке в конце XVIII - начале XIX в. Начиная с XIX в., из английского языка переходят в русский слова, относящиеся к области железнодорожного дела, общественной жизни, быта, спорта. Из итальянского языка в русский попадают многие музыкальные термины.

Заимствования, укрепившиеся в языке, приспособляются к грамматическому строю и звуковым особенностям воспринявшего их языка. Иногда меняется и первоначальное значение заимствованного слова. Так, пол. wezeł значит "узел" и родственно глаголу wiązać (вязать). В русский язык оно вошло только в очень специальном значении "вензель".

Но способ обогащения языка посредством заимствований всегда явно уступает в количественном отношении другим способам, главным образом способу образования слов из славянского материала. Новые слова в языке создаются не из произвольных звуковых комплексов, а из комбинаций уже существующих в языке словообразовательных элементов.

Отличительной особенностью почти всех классов слов (кроме числительных, местоимений), сохраняющихся в течение многих столетий и тысячелетий, является способность образовывать большие гнезда производных слов или входить в качестве составного элемента в состав сложных слов. Наличие многочисленных и разнообразных образований от одного корня слова связано с длительным пребыванием этого корня в языке. Слова древнего происхождения отличаются исключительным богатством и разнообразием словопроизводства. Так, например, слово лететь дало русскому языку базу для образования слов: влетать, вылетать, долетать, залетать, налетать, облетать, отлетать, полетать, прилетать, пролетать, перелетать, подлетать, слететь, улететь, слететься, разлететься, летать, вылететь, долететь, залететь, налететь, облететь, отлететь, полет, отлет, налет, прилет,

перелет, недолет, вылет, слет, летный., перелетный, летучка, летучий., летун, летчик, летательный, и др. (Примеры акад. В. В. Виноградова). От корня слова жить в русском языке имеется свыше ста разнообразных производных слов.

Производные слова, образованные от прежних корней, сами нередко становятся источником для образования новых слов: так, русское слово травяной, образованное от корня слова трава, послужило основой для прилагательного травянистый; корень слова пуст стал базой для имени существительного пустыня, которое затем стало источником слова пустынный, слово высотник образовано от высотный, которое в свою очередь - от высота, а высота - от высокий.

Существование гнезд производных слов способствует длительному сохранению корней слов в языках. Поэтому мощные словообразовательные тенденции, являющиеся характерной чертой славянских языков, поддерживают их исконное родство в области словаря.

На примере ряда славянских языков, имеющих не только многочисленные параллели в корнях слов, но также и значительное количество общих суффиксов и префиксов, можно заметить своеобразное, специфическое для каждого отдельного славянского языка, употребление суффиксов и префиксов в составе слов.

При сопоставлении словарных материалов славянских языков разницу в использовании суффиксов и префиксов можно наблюдать при наличии в словах, привлекаемых из разных языков, одного и того же корня. Так, польское имя существительное *porłoch* и русское *переполох*, имеющие одинаковое значение, отличаются друг от друга разницей в приставках при общности корня. Разница в приставках видна и между пол. *przemiał* и рус. *помол*, пол. *przerasc* и рус. *пропасть*, пол. *rosucha* и рус. *засуха*, сербохорв. *омело* и рус. *помело*, чеш. *ucesati* и рус. *причесать* и т. д. В качестве примеров использования разных суффиксов в словах с одним и тем же корнем и общим значением можно привлечь, например, название петуха по славянским языкам. Оно образуется от корня глагола *петь*, но при помощи различных суффиксов: ср. рус. *петух* (и диалектное *петун*), белорус. *певень*, болг. *петел*.

Ср. также разницу в суффиксах у имен существительных отвлеченного значения: рус. *количество*, сербохорв. *количина*, словен. *kolikost*; рус. *чистота* и пол. *czystosc*; рус. *единство* и пол. *jednosc*. Ср. имена прилагательные *костяной*, *костистый*, *костлявый* в русском языке и *kostnaty*, *kostlīvy* в словацком и т. д.

Русское слово *земляника* отличается от польского *roziomka* не только отсутствием приставки, но и особыми суффиксами. В этом же заключается сущность отличия между рус. *метель* и пол. *zamięs*, рус. *месть* и пол., словац., чеш. *romsta*. Словац. *ozimina* имеет с рус. *озимь* общую приставку, но разные суффиксы; болг. *зимница* отличается от этих слов отсутствием приставки и особыми суффиксами.

В чешском языке с корнем *-nik-* может сочетаться и приставка *vz-*, и противоположная ей по значению приставка *za-*: ср. *vznikati* "возникать", "происходить", "начинаться" и *zanikati* "погибать", "прекращаться", "вымирать", "угасать". Но русский язык, имеющий в своем распоряжении и корень *-ник-*, и приставку *za-*, глагола *заникать* не знает.

Некоторые словообразовательные элементы имеют в славянских языках разные области распространения. Так, если приставка *из-* со значением удаления является характерным признаком исконной южнославянской лексики, то приставка *вы-* с этим же значением представляет собой отличительную черту восточнославянских и западнославянских слов (ср. болг. глаголы *извеждам*, *изгоня* и рус. *выводить*, *выгнать*, чеш. *vyvadeti*, *vyhnati*).

Количественные соотношения в употреблении разных префиксов и суффиксов

неодинаковы по славянским языкам. Суффикс -арь, заимствованный в глубокой древности из латыни, широко известный уже в старославянском языке в составе названий действующих лиц, в русском встречается гораздо реже, чем в чешском: ср. чеш. rybar, rezbar, kovar и рус. рыбак, резчик, кузнец 28. Древний славянский суффикс -ьба (ср. рус. борьба) почти совсем отсутствует в польском языке, тогда как в других языках слов с этим суффиксом довольно много. Для болгарского языка не типичны имена существительные с абстрактным значением, образованные при помощи суффикса -ка (ср. рус. страховка) 29.

Расхождение в морфологической структуре слов при общности запаса словообразовательных элементов и моделей словообразования также сообщают славянским языкам заметную индивидуальную окраску.

* *

*

На основе языков славянских народностей в результате развития самих народностей в нации с появлением и укреплением капитализма складывались национальные языки славян.

Общественно-политические и культурно-исторические условия, в которых протекал процесс образования национальных языков у разных славянских народов, были неоднородны, темпы протекания этого процесса неравномерны, эпохи неодинаковы. Поэтому и возраст современных славянских национальных языков различен. Окончательное формирование большинства национальных языков относится к периоду XVIII-XIX вв. Значительно позже развивается македонский литературный язык. Его образование началось с 40-х годов текущего столетия, когда в ходе борьбы против фашизма было принято решение о превращении Югославии в федеративное государство на основе национального равноправия всех ее народов, в том числе и македонцев.

В связи с образованием национальных языков постепенно прекращается возникновение в них новых диалектных явлений, а затем постепенно начинается стирание диалектных различий под воздействием литературной нормы языка.

Расширение и развитие словарного состава в этот период происходит как за счет словопроизводства от слов старого славянского запаса, так и за счет различных заимствований. Местные диалекты постепенно наполняются элементами национального языка и в то же время вносят свои элементы в его общий запас, преимущественно в области лексики и фразеологии. "Такие привычные русские слова, - пишет акад. В. В. Виноградов, - как земляника, клубника, паук, цапля, пахарь, вспашка, верховье, задор, такие, как улыбаться, хилый, напускной, назойливый, огорошить, чепуха, очень, прикорнуть, попрошайка, очуметь, гуртом, кулак, батрак, мироед, наобум, неуклюжий, мямлить и т. д., по своему происхождению являются областными... выражениями" 30.

Сливаясь в единый язык в процессе развития общенациональной языковой нормы, часть диалектных явлений (особенно в области лексики) входит в национальный язык, другая же часть сохраняется в течение некоторого времени, а затем постепенно вытесняется из обращения. В той или иной мере диалектно-областные различия длительное время сохраняются и в составе национального языка, особенно у некоторой части сельского населения.

Представление о близком родстве славянских языков оказывается еще более полным и всесторонним, если при их сравнении помимо фактов национальных литературных языков привлечь языковой (в особенности словарный) материал диалектов (местных наречий) во всем его многообразии, т. е. учесть факты языка, которые не вошли в национальные

литературные языки при их формировании. Совершенно ясно, что лексика литературного языка намного богаче лексики диалектов, мало подвергавшихся влиянию книжного языка. Но в сфере диалектной речи родство славянских языков можно проиллюстрировать многими дополнительными примерами, которые обнаруживают сложность взаимопроникновения и взаимосвязей элементов разных славянских языков в наше время. Так, отдельные говоры русского языка, часто сохраняющие следы глубокой древности, по некоторым своим лексическим чертам являются более близкими к южнославянским или к западнославянским языкам, чем литературный язык. Эта близость обнаруживается в названиях конкретных действий, старинных орудий и предметов домашнего обихода, названиях животных, растений, явлений природы, в качественных характеристиках и т. д.

При сравнении лексики некоторых старославянских памятников с данными русского языка и его диалектов оказалось, что в русских диалектах можно отыскать параллели к очень многим старославянским словам 31.

Таким образом, изучение разнообразных диалектов славянских языков позволяет исследователю наблюдать все новые и новые отношения между языками. Дальнейшее изучение лексики диалектов много даст для уточнения этих отношений.

Укажем некоторые соответствия между русским диалектным словарным материалом и данными славянских языков.

Болгарскому ведро (наречие) "ясно" (о погоде) близко укр. ведро и рус. ведро (имя сущ.) "ясная, тихая, сухая и вообще хорошая погода". В русских диалектах это слово имеет очень широкое распространение. Оно отмечено в Московской, Калининской, Великолукской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Вологодской областях. Дореволюционные исследователи зафиксировали его в Архангельской, Вятской губерниях.

Ср. также чеш. *loni*, пол. *loni*, верхнелуж. *loni*, нижнелуж. *loni* "в прошлом году" (этому слову родственны также болг. лани, сербохорв. лане, словен. *lani*) и русское диалектное лони, лонись "в прошлом году", отмеченное в пермских, тверских, архангельских, вологодских, вятских, новгородских, заонежских, ярославских, смоленских, тобольских говорах Урала, приамурских говорах Дальнего Востока. Это слово известно также в украинских карпатских говорах.

Ср. чеш. *obilí* "зерновые продукты", "хлеб в зерне или на корню", словац. *obilie* "хлебные злаки", "хлеба на поле", "хлеб как товар" и рус. диалектное обилье, отмеченное в архангельских говорах в значении "всякий хлеб на корню", в заонежских говорах в значении "зерновой хлеб", в ярославских говорах в значении "хлебные семена".

Ср. пол. *zawora* "деревянная задвижка", "засов", "запор", чеш. *zavora*, "засов, задвижка", сербохорв. *zavornica* "задвижка", укр. *zavora* "задвижка" и русские диалектные формы *заворница*, *заворина*, *завор*, *заворка*, *заворня*, *завирка* и т. д. В архангельских говорах отмечено *заворница* "жердь, которой закладывают изгородь", *заворы* "закладываемый жердями проезд между изгородью", в заонежских говорах - *заворница*, *завор* "горизонтальные колья в изгороди", в вологодских говорах - *завор* "ворота в изгороди", *заворницы* и *заворины* "жерди", в новгородских говорах - *завор* и *заворы* "ворота при полевых изгородях", в тверских говорах - *завор* "одно из прясел изгороди, которое легко разбирают и собирают", *завор*, *заворка*, *заворня*, *заворина* "жердь, закладываемая в проход загородки", в бывшей Вятской губернии - *заворина* "обтесанная жердь, вставляемая в заворки, т. е. в проход в изгороди", в ярославских говорах *завор* "часть перекладин в изгороди, вынимаемых для проезда телег", в тобольских говорах - *заворы* "жерди в огороде,

которые можно разобрать для проезда".

Ср. болг. гъба, чеш. houba, словац. huba, словен. goba "гриб" и архангельское, костромское, пермское губа "всякий съедобный гриб" или "гриб из породы груздей, но худшего по вкусу качества", вятское губы, "грибы всяких родов", ярославское губы "грибы", губина "ягоды, огородные овощи и грибы, употребляемые в пищу", вологодское губина "грибы и ягоды", смоленское губяшичка "грибной нарост на деревьях".

Ср. пол. koges, чеш. koges, укр. корець "мера сыпучих тел" и новгородское корец "кувшин", "ковш", заонежское корец "ковш", ярославское, калининское, рязанское, смоленское корец, брянское корец, корчик, тульское и калужское корец, корчик.

Ср. пол. kat "угол", укр. кут "угол" и архангельское кут "самый далекий угол в печи или в доме", вологодское кут "место у задней стенки в печи", "кухня", "спальня", "задний угол", кутной угол "угол у порога", куть "задняя часть избы у печки", "угол у дверей, куда сметают сор", новгородское кут "передний угол", вятское кутяны "зрители на свадьбе, толпящиеся в углу", тверское кутник "короткая лавка, идущая от продольной лавки к двери", ярославское куть "угол против печи", "место за печью в заднем углу избы", "место в противоположном от печи углу", тобольское куть "часть избы, находящаяся возле передней части печи", тульское и орловское кут "передний угол в избе, направо от входной двери", смоленское кут, куток "красный угол", калужское кут, куток, кутник "угол в доме", "часть вдавшейся в реку земли".

Ср. пол. gnoj "навоз, удобрения", чеш. hnůj, словен. gnoj, сербохорв. гној, болг. гной, укр. гній "навоз" и рус. диалектное гной "навоз", известное в рязанских и смоленских говорах. Ср. пол. dzieza и тульское, калужское, смоленское, пензенское, рязанское, саратовское, тамбовское дежа, дежка, дижка "квашня", ярославское дежа "квашня", дежник "покрышка на квашню".

Ср. болг. гуна, гуня "род крестьянской верхней одежды, обычно белого цвета", сербохорв. (диалектное) гуна "мужская одежда, подбитая кожей или из овчин" и тульское и орловское гунька "женская рубашка", вятское гуня "сорочка", заонежское гуня "чистая одежда" и "изношенная одежда", тверское гуня "старая, заношенная одежда", архангельское гуньё "старая рухлядь, тряпки, обноски", донское гуни "тряпки, лохмотья", рязанское и пензенское гуни "ветошь, обноски".

Ср. болг. китка, китен "пучок, связка", "кисть", "букет", сербохорв. кита "пучок, букет", словен. kitica "букет цветов", kita "гирлянда", укр. кить, кита "кисть", "букет" и вологодское областное кита "ветки у картофеля", "выдернутый горох", "стебли у гороха", костромское кита "гороховина", "гороховая трава", ярославское кита "гороховый стебель", кितिца "кисть", "пучек травы или цветов".

Ср. болг. зоб "корм", словен. zob "зерновая пища", сербохорв. зоб, зобане "овес" "зерновая пища", зобище "поле, где сеяли овес", зобити "кормить зерном", зобница "торба для корма лошадей", зобеница "овсяный хлеб", укр. диалектное дзьобенька "сумка, род котомки, надеваемой через плечо", и близкие слова из диалектов русского языка: архангельское зобить, зоблить "есть ягоды, горох, крупу и другие мелкие предметы, беря их поодиночке", зобать "есть муку, зерна", зобня "плетеная из лучины корзина", зобница, зобенка "корзина из бересты", заонежское зобать "есть сухое толокно, муку, ягоды", "жевать", "есть", "раскусывать", зобенка, зобница "корзина", новгородское зобелька "маленькая корзинка, в которую собирают грибы или ягоды", зобенька "берестяная корзина", вологодское зобать "есть ягоды", зобенка "корзина из бересты", тверское зобать "много употребить чего-нибудь, например табаку, вина", вятское зобать "с жадностью есть муку, толокно", зобенка

"лукошко", зобня "четверик", ярославское зобинька, зобенья "корзина с крышкой, из луба или дранок", тульское и орловское зобачка "лукошко для грибов из липовых лык", брянское пазобника "земляника", курское пазобник "ягоды земляники", иркутское зобня "торба".

Ср. польский глагол *ochlonac* "успокоиться, прийти в себя", укр. охолонути "охладиться, остыть" и русское северо-западное охолонуть с тем же значением.

Ср. чеш. *vir* "вихрь", "водоворот", пол. *wir* "круговорот", "водоворот", "пучина", сербохорв. *vir* "источник", "омут в реке", "водоворот", словенское *vir* "ручей", болг. *vir* "водоворот", "омут", "водоем", "бассейн" и русское диалектное *vir*, отмеченное в курских говорах в значении "омут", а в пермских, тверских - "место на мельнице, куда падает вода" (ср. употребление этого слова в романе Н. С. Лескова "Некуда" в речи старой няни: "...ничего нет, ни моталки, ничего, ничего. Заехали в *vir*-болото, да и куликуем." *Vir*-болото имеет здесь переносное значение - "пустынное, безлюдное, глухое место").

Список соответствий между словарными данными русских диалектов и славянских языков можно было бы увеличить.

В словаре русских диалектов долго держатся старые соотношения между некоторыми наименованиями, сближающие эти диалекты с другими славянскими языками. Как указывалось выше, в древнерус. языке пальцем назывался большой палец, а остальные пальцы рук и ног назывались перстами. В наше время слова *перст* и *палец* с теми же значениями отмечены в некоторых вологодских говорах (Чарозерский район) 32. В вятских говорах в начале XX в. слово *палец* также зафиксировано только в значении большого пальца (для указательного, среднего и безымянного употреблялось название *перст*) 33.

Словарные связи между славянскими диалектами и языками часто оказывается возможным установить на территориях, разделенных большими пространствами. В. Г. Богораз в начале XX в. отметил в русских говорах Сибири (по реке Колыме) ряд слов, которые он принял за польские (например, осилок "силач", назвище "имя", урмой "гуртом", на уразах "в драке", рассоха "главный приток реки" и др.) 34. По объяснению Д. К. Зеленина, эти особенности языка занесены в Сибирь в XVI-XVII вв. потомками новгородцев, т. е. ильменских словен. К ильменским словенам в разное время приходили с запада группы прибалтийских славян, которые и наложили своеобразный отпечаток на речь населения древней области Великого Новгорода. На севере и востоке Сибири западнославянские черты русских говоров сохранились лучше, чем на европейской территории 35.

Близость между лексикой диалектов, не вошедшей в литературный язык, и лексикой других славянских языков еще раз указывает на то, что в эпоху до формирования национальных языков отношения между славянскими языками носили иной характер по сравнению с современностью.

* *

*

Славянские языки включают в себе более сходства, унаследованного от древнейших времен, чем различий, приобретенных за период отдельного существования. Представитель любой славянской национальности после некоторой предварительной подготовки и сейчас поймет людей, говорящих на других славянских языках.

Близость славянских языков в области грамматического строя, запаса словообразовательных элементов и слов облегчает представителям братских славянских национальностей изучение славянских языков, способствует укреплению культурных связей между всеми славянскими странами.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов, О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии. "Вопросы языкознания", 1956, No 3.
2. Р. А. Будагов, Об основном словарном фонде и словарном составе языка, Л., 1952.
3. Р. А. Будагов, К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике, "Известия АН СССР. Отделение литературы и языка", т. X, вып. 2.
4. Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, часть II, М. 1954.
5. Ж. Вандриес, Язык. Лингвистическое введение в историю (перевод с французского), М., 1937.
6. В. В. Виноградов, Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков, "Научный бюллетень Ленинградского государственного университета", 1946, No 11-12, Л.
7. В. В. Виноградов, Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков, Вестник МГУ, 1949, No 7.
8. В. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка, сб. "Русская речь", новая серия, I, Л., 1927.
9. Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика, М., 1954.
10. О. Гуйер, Введение в историю чешского языка (перевод с чешского), М., 1953.
11. В. А. Звегинцев, О принципах семасиологических исследований (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук), М., 1954.
12. Н. А. Кондрашов, Славянские языки, М., 1956.
13. J. M. Korinek, Od indoeuropskeho prajazyka k praslovancine, Bratislava, 1948.
14. И. Леков, Единство и национально своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд, София, 1955.
15. И. Леков, Към въпроса за единството и националното своеобразие на славянските езици в основния им речников фонд, "Български език", 1953, кн. 3.
16. И. Леков, Езиковото родство на славянските нации, "Български език", 1952, кн. 3-4.
17. T. T. Lehr-Splawinski, W. Kuraszkiewicz, F. Slawski, Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich, Warszawa, 1954.
18. Т. Лер-Сплавинский, Польский язык (перевод с польского), М., 1954. Глава I. Праславянская общность; глава IV. Праславянское наследие.
19. А. Мейе, Общеславянский язык (перевод с французского), М., 1951.
20. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (перевод с французского), М.-Л., 1938. Глава VIII. О лексике.
21. А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании (перевод с французского), М., 1954. Раздел "Словарь".
22. J. Otrebski, Zycie wyrazow w jezyku polskim, Poznanski Towarzystwo Przyjaciol Nauk, Prace Komisji Filologicznej, t. XII, z. 2. 1948.
23. В. Пизани, Этимология (перевод с итальянского), М., 1956.
24. А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. I, М., 1941.
25. А. И. Смирницкий, Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства, М., 1955.
26. Fr. Travnicek, Nauka o slovní zásobe, Praha, 1953.
27. Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по

материалам летописей), Ленинград, 1949.

28. K. Horalek, Uvod do studia slovanskych jazyku, Praha, 1955.

29. S. Szober, Zycie wygazow, I-II, Krakow-Warszawa, 1929-1930.

30. П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии, М., 1956.

31. И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ И СПИСКИ СЛОВ.

1. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв.Тодоров, Български тълковен речник, София, 1955.

2. Бакотић, Речник српскохрватског книжевног језика, Београд, 1936.

3. P. Bartos, Dialektologie morawska. Dil I, Brno, 1886.

4. С. Б. Бернштейн, Болгарско-русский словарь, М., 1953.

5 E.Berneker, Slavisches etymologisches Worterbuch, Heidelberg, 1908-1913.

6 В. Г. Богораз, Областной словарь Колымского русского наречия, СПб, 1901.

7. A. Bruckner, Slownik etymologiczny jezyka polskiego, Krakow, 1927.

8. Е. Ф. Будде, Исследование особенностей рязанского говора, РФВ, т. XXVIII, No 3, СПб, 1892.

9. Е. Ф. Будде, О говорах Тульской и Орловской губерний, СПб, 1904.

10. Н. М. Васнецов, Материалы для объяснительного словаря вятского говора, Вятка, 1908.

11. В. Волоцкий, Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губ.) говора, Сб. ОРЯС АН, т. LXXII, No 3, СПб, 1902.

12 А Х. Востоков, Словарь церковно-славянского языка, СПб, т. I, 1858, т. II, 1861.

13. I. Gebauer, Slovnik starocesky, I-II, v Praze, 1903-1916.

14. М. К. Герасимов, Словарь уездного череповецкого говора, СПб, 1910.

15 Н. Геров, Речникъ на българский язык, Пловдив, части I-V, 1895-1904.

16. Joza Glonar, Slovar slovenskega jezika, V Ljubljani, 1936.

17. А. Грандилевский, Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор, Сб. ОРЯС АН, т. 83, No 5, СПб, 1907.

18. Б. Гринченко, Словарь украинского языка, тома I-IV, Харьков, 1925.

19. В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, тома I-IV, изд. 4-е, М., 1955.

20. h. Даничић, Рјечник из книжевних старина српских, I-III, У Биограду, 1863-1864.

21. Диалектологический материал по Новгородской губ., РФВ, т. 71, 1914.

22. Диалектологический материал по Тверской губ., РФВ, 1914,

23. Диалектологический сборник под ред. А. С. Ягодинского, т. I-III, Вологда, 1941-1946.

24. В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914.

25. Дополнение к опыту областного великорусского словаря, СПб, 1858.

26. Гл. Елезовић, Речник косовско-метохиског дијалекта, I-II (Српски дијалектолошки зборник, книга IV-V), Београд, 1932 и 1935.

27. Е. Желеховский, Малорусско-німецкий словарь, т. I, Львів, 1886; Е. Желеховский і С. Недільский, Малорусско-німецкий словарь, т. II, Львів, 1886.

28. Д. К. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию, СПб, 1903.

29. F. Ivekovic, I. Broz, Rjecnik hrvatskoga jezika, I-II, U Zagrebu, 1901.

30. А. V. Isacenko, Slovensko-rusky prekladovy slovník, Prvy diel, Bratislava, 1950.

31. Історичний словник українського языка под ред. Е. Тимченко, I, А-Ж, Харків, 1930-

1932.

32. Ст. Кабасанов, Говорът на с. Момчиловци, Смолянско, "Известия на Института за български език", БАН, кн. IV, София, 1956.
33. Kar. Kalal a Mir. Kalal, Slovensky slovník z literatury aj nareci, V Banskej Bystrici, 1923.
34. Вук Стеф. Караџић, Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечима, У Београду, 1935.
35. Jan. Karłowicz, Słownik gwar polskich, Vol. 1-VI, Krakow, 1900-1911.
36. I. Karłowicz, A. Krynski, W. Niedzwiedzki, Słownik języka polskiego, Wyd fotooffsetowe, t. I-VIII, Warszawa, 1952- 1953.
37. А. Б. Карпов, Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками, Сб. ОРЯС АН, т. LXXXVII, No 1. СПб, 1909.
38. L. Kopeckij, Rusko-cesky slovník, Praha, 1937.
39. С. А. Копорский, Архаические говоры Осташковского р-на Калининской обл., "Ученые записки Калининского педагогического института, т. X, вып. 3, 1945.
40. J. Kotnik, Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1950.
41. F. S. Kott, Cesko-nemecky slovník, I-VII, v Praze, 1878- 1893.
42. Jurij Kral, Serbsko-nemski slovník hornjolutiskeje rece, Budysin, 1931.
43. Г. Куликовский, Словарь областного олонечкого наречия, СПб. 1898.
44. П. А. Лавровский, Русско-сербский словарь, СПб, 1880.
45. П. А. Лавровский, Сербско-русский словарь, СПб, 1870.
46. F. Lorentz, Slovinsches Worterbuch, I-II, СПб, 1908-1912.
47. S. B. Linde, Słownik języka polskiego, т. 1-VI, Lwow, 1854- 1860.
48. Ф. Миклошич, Краткий словарь шести славянских языков (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского), а также французский и немецкий, СПб, 1885.
49. F. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vindobonae, 1862-1865.
50. F. Miklosich, Etymologisches Worterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886.
51. А. В. Миртов, Донской словарь, Ростов н/Д, 1928.
52. Л. А. Мичатек, Дифференциальный болгарско-русский словарь, СПб, 1910.
53. Л. А. Мичатек, Дифференциальный сербско-русский словарь, СПб, 1903.
54. Л. А. Мичатек, Дифференциальный словенско (словацко)-русский словарь, Turc. Sv. Martin, 1900.
55. Л. А. Мичатек, Карманный русско-словенский (словацкий) словарь. Turc. Sv. Martin, 1892.
56. С. Младенов, А. Т. Балан, Български тълковен речник с оглед към народните говори, том I, А-К, София, 1951.
57. Стефан Младенов, Етимологически и правописен речник на българския книжовен език, София, 1941.
58. Э. Мука, Словарь нижнелужицкого языка, выпуск 1, Петроград, 1921; выпуск II, Прага, 1928.
59. И. И. Носович, Словарь белорусского наречия, СПб, 1870.
60. С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1953.
61. Опыт областного великорусского словаря, СПб, 1852.
62. П. Певин, Словарик Заонежья, Петрозаводск, 1896.
63. А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и

этнографическом применении, СПб, 1885.

64 Ф. Покровский, О народных говорах северо-западной части Костромской губ., "Живая старина", вып. III-IV, СПб, 1897.

65. Ф. Покровский, Особенности в говоре населения, расположенного по р. Письме, Костромской губ., Буйского уезда, "Живая старина", вып. III-IV, 1895.

66. Польско-русский словарь под ред. М. Ф. Розвадовской, М., 1955.

67. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, А-Сулея, М., 1910-1918; Т-Я ("Труды Института русского языка АН СССР", I), М., 1949.

68. S. Ramult, Slownik jezyka pomorskiego czyli kaszubskiego, Krakow, 1893.

69. Rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, Dio I-VII, A-N, IX, O-P, Zagreb, 1880-1926.

70. Русско-белорусский словарь под ред. Коласа, Крапивы и Глебки, М., 1953.

71. Русско-польский словарь под ред. И. Х. Дворецкого, М., 1953.

72. Русско-украинский словарь под ред. Калиновича, М., 1948.

73. Русско-украинский словарь, изд. АН УССР, Киев, 1956.

74. Русско-чешский словарь, М., 1947.

75. Я. Светлов, О говоре жителей Каргопольского края, "Живая старина", вып. III, СПб, 1892.

76. Slovník rusko-slovenský. I Díl, Bratislava, 1952.

77. Slownik staropolski, Polska akademia nauk, tom I, zeszyt 1-6, A-C. Warszawa, 1953-1955.

78. Slownik staropolski, tom I, A - S, opracował Antoni Krasnowolski, tom II, S - Z, uložyl Władysław Niedzwiedzki, Warszawa, 1914.

79. И. Т. Смирнов, Кашинский словарь, СПб, 1901.

80. В. Ф. Соловьев, Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губ., СПб, 1904.

81. Список тобольских слов и выражений, "Живая старина", вып. IV, СПб, 1899.

82. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I-III, СПб, 1893-1912.

83. Сърбохърватско-български дифференциален речник, София, 1937.

84. П. Тиханов, Брянский говор, СПб, 1904.

85. R. Trautmann, Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Gottingen, 1923.

86. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I-IV, М., 1935-1940.

87. Max. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Lfg. 1-8, 19-21, Heidelberg, 1950-1956.

88. М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губ., СПб, 1904.

89. J. Holub, Stručny slovník etymologický jazyka ceskoslovenského, Praha, 1937.

90. M. Hostník, Roční rusko-slovenský slovar, V Gorici, 1897.

91. М. Хостник, Словинско-русский словарь, Горица, 1901.

92. Чешско-русский словарь под ред. проф. П. Г. Богатырева, Москва, 1947.

93. Сава Чукалов, Руско-български речник, София, 1951.

94. Н. С. Шайжин, Олонекое областное наречие и древнерусский язык в лексическом отношении, Петрозаводск, 1907.
95. Шайтанов, Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губернии, "Живая старина", вып. III-IV, СПб, 1895.
96. F. Simek, Slovníček stare cestiny, Praha, 1947.
97. Ф. И. Эрдманн, Дополнение к опыту областного великорусского словаря по Новгородской губ., "Ученые записки Казанского университета", кн. 2, 1857.
98. I. Jungmann, Słownik cesko-nemecky, I-V, W Praze, 1835- 1839.
99. Filip Jakubas, Hornjoserbsko-nemski słownik, Budysin, 1954.
100. Wiktor Jakubowski, Słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski, tom I-II, Warszawa, 1946-1947.
101. Е. Якушкин, Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ., Ярославль, 1896.
102. A. Janosik, E. Iona, Slovník spisovneho jazyka slovenskeho, Turc. Sv. Martin, 1946-1949.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Для установления сходства или различия в области лексики по славянским языкам мы привлекаем данные тех языков, лексика которых изучена и отражена в словарях. Примеры из македонского не даны по причине отсутствия словарей этого языка.

2 См. К. Horalek, Uvod do studia slovanskych jazyku, Praha, 1955. str. 93.

3 Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 182.

4 См. А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 34.

5 Семантические группы слов с устойчивым характером отмечены не только в славянских языках. Известный итальянский языковед В. Пизани признает существование в языках семантических групп, строго ограниченных и в общем постоянных, таких, как названия частей тела, отношений родства, метеорологических явлений, повседневных фактов человеческой жизни (пить, есть, спать), а также групп, которые с течением времени подвергаются коренным изменениям: названия предметов одежды, государственных учреждений, систем транспорта, - короче говоря, всего того, что создано самим человеком. См. В. Пизани, Этимология, перевод с итальянского, М., 1956, стр. 161.

6 Ср. И. Леков, Из славянската лексикология. Абстрактни съществителни в основния речников фонд на българския език в сравнение с лексиката на другите славянски езици, "Известия на института за български език", кн. III, София, 1954, стр. 25, 42, 49, 50.

7 О характере и содержаниях первоначального славянского лексического состава см. А. М. Селищев, Славянское языкознание, т. I, М., 1941, стр. 11; J. Jancko, O praveku slovanskem, Praha, 1912, стр. 167; К. Horalek, названное сочинение, стр. 270-271; А. Будилович, Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным, ч. I и II, Киев, 1878-1888; И. Леков, Единство и национально своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд, София, 1955. Кроме того, существуют работы, в которых на материале всех или нескольких славянских языков освещаются отдельные семантические разряды слов. Ср. Л. А. Булаховский, Общеславянские названия птиц, "Известия АН СССР", Отделение литературы и языка, 1948, т. VII, вып. 1, стр. 97-124; Machek V., Ceska a slovenska jmena rostlin, Praha, 1954; Vaclav Vazny, O jmenech motylu v slovanskych nareciach, Bratislava, 1955; А. В. Исаченко, Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания, "Slavia", 1953, No 22, стр. 43-80; названная выше работа И. Лекова об абстрактных именах существительных.

8 Об индоевропейском лексическом наследии в славянских языках см. А. Мейе, *Общеславянский язык*, раздел "Словарь", М., 1951, стр. 396 и далее; О. Гуйер, *Введение в историю чешского языка*, М., 1953, стр. 105-109; П. Я. Черных, *Очерк русской исторической лексикологии*, М., 1956, стр. 24-26.

9 См. *Славяно-балтийские этюды*, Харьков, 1911, стр. 192-200, а также статью "Древнейшие славяно-балтийские языковые связи" *"Известия АН Латвийской ССР"*, Рига, 1952, No 3, стр. 44.

10 Перенос названия ногтя на название копыта, затем ноги является вполне допустимым семантическим сдвигом. Ср. замечание В. Пизани об аналогичных явлениях в романских языках: "Факт перехода слов с аффективным значением в разряд обычных наименований является общим и дает нам ключ к разъяснению значительного числа семантических сдвигов. Укажем, например, что многие метафоры для названий частей тела, употреблявшиеся вначале в плане комическом или ироническом, в конце концов стали обозначать в романских языках только эти части тела". См. В. Пизани, *Этимология*, М., 1956, стр. 163.

11 Ср. А. Мейе. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, М. - Л., 1938, стр. 388.

12 См. А. Мейе, *Общеславянский язык*, стр. 400.

12 См. A. Meillet, *Linguistique historique et linguistique generale*, Paris, 1926, v. 1, p. 286-287.

13 См. Копорский С. А., *Архаические говоры Осташковского р-на Калининской обл.*, "Ученые записки Калининского педагогического института", т. X, вып. 3, Калинин, 1945.

14 См. И. Леков, *Към въпроса за единството и националното своеобразие на славянските езици в основния им речников фонд*, журнал "Български език", 1953, кн. 3, стр. 219.

15 См. Лер-Сплавинский, Т., *Польский язык*, М., 1954, стр. 64-67.

16 Диалектные словари XIX в. отмечали это слово в курском говоре в форме борошно со значением "ржаная мука". См. "Опыт областного великорусского словаря." СПб., 1852.

17 О слове црь - чрь см. Ф. П. Филин, *Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)*, 1949, стр. 248, а также рецензию И. Панькевича на указанную книгу проф. Ф. П. Филина, *Slavia, ročník XXV, ses. I, Praha, 1956*, стр. 95.

18 См. Н. Дурново, *Введение в историю русского языка*, часть I, Брно, 1927, стр. 104, 105, 110. См. также W. Kuraszkiwicz, *Zarys dialektologii wschodnio-slowianskiej z wyborem tekstow gwarowych*, Warszawa, 1954, стр. 18.

19 См. О. Н. Трубачев, *К этимологии слова собака*, "Краткие сообщения института славяноведения АН СССР", т. XV, М. 1955, стр. 48.

20 См. Ж. Вандриес, *Язык*, стр. 173.

21 О значении слова пасека см. Р. М. Цейтлин, *К вопросу означениях приименной приставки па- в славянских языках*, "Ученые записки Института славяноведения АН СССР", т. IX, М., 1954, стр. 215.

22 Об истории этого слова см. Б. А. Ларин, *Из истории слов*, сб. статей "Памяти академика Л. В. Щербы", Л., 1951, стр. 195-197.

23 Это слово связано по происхождению с древнейшим индоевропейским обозначением ноги. Ср. лат. *pes*, греч. ?????, ?????, гот. *fotus*.

24 Следует заметить, что разница в значениях слов, имеющих общую звуковую "оболочку", возникает не всегда только путем различного развития исходных значений.

Иногда разные значения несут производные новообразования от одного и того же корня, самостоятельно образующиеся на почве разных диалектов одного и того же языка или разных родственных языков при помощи продуктивных приставок, суффиксов и окончаний. Любопытные примеры параллельных образований с разным значением можно найти в русских диалектах. Так, независимо от литературного русского слова наперсток в обычном значении М. К. Герасимов отметил в череповецком говоре слово наперсток в своеобразном значении "чулок или носок" (см. "Словарь уездного череповецкого говора", СПб, 1910).

Еще больше словарных образований, созданных независимо друг от друга, обнаруживается на пространстве всех славянских языков. Так, рус. плот "бревна, скрепленные для сплава или переправы на них по воде" и пол. plot "забор, изгородь", "плетень" могли самостоятельно возникнуть в этих языках от глагола плести (пол. plesc) для обозначения сплетенных или переплетенных предметов разного назначения. Болг. младенец "ребенок", с одной стороны, и словен. mladenec "юноша", пол. mlodzieniec "юноша", чеш. mladenec "холостяк" - с другой, вероятно, создались независимо в этих языках на материале наличных морфем, унаследованных от праславянской эпохи. Ср. также рус. заповедь и чеш. zaroved "запрет", рус. запоминать и чеш. zapominati "забывать", чеш. obsaditi "занять", "оккупировать" и рус. обсадить, рус. родина "отечество" и пол. rodzina "семья", болг. година "год" и чеш. hodina "час", рус. дружина "отряд" и укр. дружина "супруг", рус. сухари и чеш. (диалектное) suchary "сушеные фрукты" (в моравских говорах) и др.

25 См. Соколова М. А., Из истории слов основного словарного фонда, "Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР", II, М., 1952, стр. 8-20.

26 См. Н. П. Гринкова, Из наблюдений над некоторыми устарелыми словами русского языка, "Ученые записки Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена", т. 104, Л., 1955, стр. 180-182.

27 См. И. Леков, Единство и национально своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд, София, 1955, стр. 15-16, 23-26, 37-39, 44, 76.

28 K. Horalek, Uvod do studia slovanskych jazyku, стр. 267, 283.

29 Ср. И. Леков, Из славянската лексикология, стр. 23, 26.

30 В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., 1945, стр. 78.

31 См. А. С. Львов, Из наблюдений над лексикой старославянских памятников, "Ученые записки Института славяноведения АН СССР", М., 1954, т. IX, стр. 139-176.

32 См. Диалектологический сборник под ред. А. С. Ягодинского, т. I, Вологда, 1941-1946, стр. 69.

33 См. Н. М. Васнецов, Материалы для объяснительного словаря вятского говора, Вятка, 1908.

34 В. Г. Богораз, Областной словарь Колымского русского наречия, СПб, 1901.

35 Д. К. Зеленин, О происхождении северноруссов Великого Новгорода. "Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР", VI, М., 1954.

FB2 document info

Document ID: fb2-c227869d-83b0-bfe8-04b7-95a5807a748b

Document version: 1.01

Document creation date: 2007-06-12

Created using: LibRusEc kit software

Document authors :

- rusec

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon